

Когда я начинал работу над этой книгой, главный мой интерес состоял в том, чтобы разобраться в целом ряде исторических вопросов, мучивших меня на протяжении многих лет, вопросов, на которые я не находил прямых ответов ни в исторической литературе, ни в классических текстах марксистской теории. Точно так же позднее не удовлетворяли меня и весьма двусмысленные и невнятные ссылки теоретиков миросистемной школы на существование в рамках капитализма "полупериферии" -- стран, которые своим политическим положением компенсируют слабость и зависимость своего хозяйственного развития. Этот анализ, даже если им можно было удовлетвориться применительно к некоторым восточноевропейским или азиатским государствам (несмотря на отсутствие внятного ответа на вопросы о характере и логике формирования собственных специфических общественных структур и институтов в подобных странах), явно оказывался недостаточным и поверхностным применительно к масштабам русской истории.

В конечном счете проблема сводилась к тому, чтобы понять, почему главная антикапиталистическая революция XX века произошла именно в России. Эта проблема, по большому счету, мучила и самих участников революции, её лидеров и теоретиков, которые дали происходящему достаточно подробное объяснение исходя из опыта и ситуации, в которой они находились. Но объяснение это было скорее политическим, отчасти социально-экономическим, а не историческим. Иными словами, оно четко связывало произошедший переворот с конкретной общественной и хозяйственной ситуацией, сложившейся в Российской империи начала XX века, но не отвечало на вопрос о том, как и почему страна закономерно пришла в своем развитии именно к такой ситуации. Ссылки на "отсталость" и "неравномерное развитие капитализма" не могли удовлетворить меня: они лишь формально увязывались с историей глобального развития буржуазной системы, тогда как требовался комплексный анализ этого процесса и места в нем России.

Отчасти нужные подсказки были найдены в работах Михаила Покровского, Иммануила Валлерстайна и Розы Люксембург. Но сами эти работы давали лишь общее направление, на основе которого предстояло предпринять собственные поиски.

Первые попытки написать данную книгу были сделаны ещё в середине 1980-х годов, потом брошены -- появились более актуальные и срочные задачи, как литературные, так и политические. Когда десять лет спустя я вернулся к старым наброскам, обнаружилось, что написанное уже меня самого не убеждает. Всё пришлось переписывать и передумывать. Наконец, когда в начале 2000-х годов поэт и переводчик Илья Кормильцев создал замечательное издательство "Ультра. Культура", у меня появился стимул завершить работу, превратив многочисленные выписки и заготовки в единый текст, сформулировав парадокс "Периферийной империи", страны, соединившей в своем развитии черты классической периферии с одним из центральных политических мест в миросистеме.

Первое издание книги, выпущенное "Ультра. Культурой", было весьма успешным, если критерием успеха считать интерес читателей. Однако, как и другие книги, опубликованные этим издательством, она воспринималась скорее в качестве факта альтернативной культуры, чем в качестве теоретического исследования. Большинство академических историков ответили на выход "Периферийной империи" демонстративным молчанием. Среди научной молодежи и коллег, придерживавшихся левых взглядов, реакция была куда более живой и заинтересованной. Но так или иначе ожидаемой и желаемой мной дискуссии не произошло. Если английское издание книги сразу же было отрецензировано в нескольких журналах и на интернет-сайтах, посвященных исторической тематике, то на родине ничего подобного не случилось. Поразительным образом не было не только обсуждения, но даже полемики или критики. В

частном порядке мне было высказано некоторое количество замечаний, которые я, естественно, постарался учесть (особую благодарность в этом отношении я должен высказать Игорю Пантину, Александру Шубину и Сергею Соловьеву).

Разумеется, выход книги в "контркультурном" издательстве сыграл определенную роль, напомнив мне известную историю Сент-Экзюпери про турецкого астронома, который явился на международный конгресс в восточном платье, а потому не был воспринят всерьез коллегами. К его открытию отнеслись по-иному лишь после того, как он переделался в должный европейский наряд. Однако отсутствие серьезного обсуждения книги, на мой взгляд, было вызвано и более серьезными и глубокими причинами, в частности нежеланием и неумением значительной части академического истеблишмента вести теоретические дискуссии по историческим вопросам. Декларативный отказ от марксизма обернулся для официальной науки столь же решительным отказом от обсуждения теоретических вопросов, что, однако, ничуть не сделало её свободной от идеологии, влияния власти или господствующих политико-академических партий. В то время как открытие множества архивов и фактическое исчезновение цензуры открывали для исследователей огромные возможности, отказ от марксизма привел если не к полному блокированию исторической мысли, то, во всяком случае, к её серьезному кризису.

Надо отметить, что на уровне методологии российская историческая наука даже в советскую эпоху была не особенно марксистской. Но марксизм проникал в научные дискуссии на уровне проблематики, заставляя ставить вопросы и принимать к сведению теоретические факты, без которых в те времена обойтись было невозможно. С распадом СССР и отказом от догм официальной коммунистической идеологии, отпала и необходимость с этими вопросами возиться, а с этими фактами считаться.

Тем не менее позаботиться надо было и о "платье". В конце концов проблема первого издания состояла не только в том, кто и как его выпустил, но и в многочисленных ошибках, частью редакторских, а порой и авторских, которые в нем имелись. В связи с отсутствием академической дискуссии выявление этих проблем пало исключительно на самого автора, что, впрочем, имело и положительную сторону -- появилась возможность вернуться к любимой теме и возобновить работу над книгой.

"Ультра. Культура" планировала подготовить новое издание, в котором все ошибки, опечатки и оплошности были бы исправлены, но осуществить этот план помешала смерть Кормильцева и последовавшее практически почти одновременно с этим банкротство издательства. Мне пришлось перенести материалы в другое издательство, где книга вышла с подзаголовком "Циклы русской истории". С "платьем" опять не повезло. "Периферийная империя" оказалась поставленной в одну серию с другими книгами, резко контрастировавшими с ней как по форме, так и по содержанию. Кроме того, при моем полном неведении из неё выкинули раздел, посвященный мобилизации советских ресурсов для внешней торговли в годы коллективизации -- один из наиболее важных для обоснования авторских тезисов и к тому же основанный на архивных материалах.

Во втором издании был исправлен целый ряд обнаруженных автором ошибок. Некоторые из них были довольно забавны и сразу бросались в глаза (например, в подписи под одной из иллюстраций знаменитая статуя Мухиной "Рабочий и колхозница" превратилась в "Рабочего и колхозника"). Ко второму изданию были расширены некоторые главы -- прежде всего за счет использования английских журналов XIX века и других западных источников, которые по различным причинам были недоступны автору во время работы над первоначальной версией

книги и не использовались отечественными историками. Наибольшей переработке подверглась глава о Крымской войне, появились дополнительные данные о деятельности голландских предпринимателей в Московии. Надо было также учитывать новые исследования по русской истории, опубликованные в начале XXI века, например книгу Сергея Нефедова, интерпретирующую события, происходившие в Средневековой Руси с демографической точки зрения. Хотя подход Нефедова мне представляется достаточно односторонним, нельзя не отдать должное его усилиям, направленным на то, чтобы вернуть теоретический анализ в историческую науку, не говоря уже о большом количестве данных, осмысленных и использованных в его работе.

Во второе издание была добавлена новая глава, посвященная итогам правления Владимира Путина. По понятным причинам эту главу пришлось снова перерабатывать к третьему изданию. Если второе издание выходило в свет в 2008 году, доводя изложение событий до избрания президента Медведева и начала мирового экономического кризиса, то в нынешнем издании соответствующий раздел пришлось существенно увеличить с учетом событий, последовавших в 2008--2010 годах. Переделанной оказалась и глава, где речь идет о правлении Ельцина: задним числом многие моменты можно было уточнить, расширив круг источников. Однако сочинение современной хроники отнюдь не было моей задачей. События двадцати постсоветских лет важны, описываются и анализируются здесь ровно в той мере, в какой они являются продолжением и развитием исторических закономерностей тенденций, проявившихся на протяжении предшествующих эпох (хотя, в свою очередь, исторические процессы в данной книге рассматриваются отнюдь не в качестве самоценных и самодостаточных "повестей", а как материал, с помощью которого мы можем понять и изменить Россию сегодняшнюю).

Задача автора состояла в том, чтобы соединить теорию с историей, а вовсе не в том, чтобы разделить историю и политику. Да это было бы и невозможно. В нашей стране политический привкус получает любая дискуссия, включая даже обсуждение мер, предпринимавшихся Иваном Грозным или Петром Великим, не говоря уже о событиях более позднего времени. Неудивительно, что данная книга тоже становится фактором идеологической борьбы. Марксистский взгляд на историю постепенно пробивает себе дорогу, в то время как либеральные концепции переживают очевидный кризис. Среди неиссякающего потока мифологических и откровенно сказочных текстов, вдохновленных главным образом националистическими комплексами и имперской ностальгией, образуются пусть и небольшие, но растущие островки научного знания, восстанавливается та твердая почва, на которой должен стоять всякий честный исследователь. Наряду с многочисленными исследованиями по "новой хронологии", памфлетами про "Россию, которой не было" и конспирологическими трудами о масонском заговоре, читатель теперь может получить доступ к переизданиям работ М.Покровского, С.Ф.Платонова, к переводам И.Валлерстайна, Ф.Броделя и т.д. Короче, обстановка меняется. Но сделать предстоит ещё очень и очень многое. Основные, серьезные дискуссии -- впереди.

Исторические мифы всегда являлись важнейшим инструментом, с помощью которого правящий класс поддерживал свою гегемонию в обществе и идеологический контроль над ним. "Власть над прошлым" является неотъемлемым элементом системы управления людьми в настоящем. А потому общественные перемены неотделимы от изменения нашего взгляда на историю. Постсоветская Россия оказалась -- в силу идейной и духовной нищеты своих реакционных основателей -- неспособна сформировать собственный исторический миф, но это не помешало её идеологам и апологетам максимально дезориентировать публику, дискредитировать традиции прогрессивной и левой мысли, создать обстановку крайне неблагоприятную для развития

аналитического подхода к прошлому. Не создав единого национально-государственного мифа, капиталистическая Россия начала XXI века сумела создать атмосферу, в которой плодилось множество мифов, легенд и просто исторических сказок, несовместимых с рациональным научным мышлением как таковым. Поход против марксизма, начатый в конце прошлого столетия, завершился в новом веке открытой войной против здравого смысла, рационализма и образования. Войной, которая ставит под вопрос уже не прогрессивные традиции критического мышления, а саму способность к рациональному мышлению миллионов российских подданных. Высшей точкой этого крестового похода против рационального знания стала образовательная реформа 2010--2011 годов, направленная на полный разгром остатков советской общеобразовательной школы, сокращение числа университетов и резкое изменение всех учебных программ, утрачивающих последние остатки логики и систематичности. Другое дело, что традиции здравого смысла, рационального мышления и социальной критики оказалось не так-то легко вытоптать. И не только потому, что всё ещё живы и сопротивляются люди, выращенные в этих традициях (как бы ни старались реформаторы, уничтожить критическую мысль им не удастся иначе как поголовно истребив её носителей -- задача, с которой не справилась даже гитлеровская Германия). В конечном счете решающим фактором оказывается социальное сопротивление миллионов людей, чьи непосредственные интересы затронуты проводимой политикой.

Битва за историю России, таким образом, оказывается неотъемлемой частью идеологической борьбы за политическую и идейную гегемонию. А освобождение общества неотделимо от его способности преодолеть мифы, распространяемые правящим классом, взглянув в лицо прошлому так же честно и открыто, как мы должны взглянуть в лицо настоящему, увидев все его пороки и противоречия, которые мы должны преодолеть, если собираемся идти вперед. Для того чтобы сознательно построить будущее страны, необходимо демифологизировать её прошлое.

КАГАРЛИЦКИЙ Б. Ю.

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ИМПЕРИЯ: ЦИКЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Развитие общественной мысли в современной России идет по одному узкому пути: умами завладела «теория цивилизаций». Книга Сэмюэла Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» как-то сразу вошла в моду, даже раньше, чем ее кто-либо успел прочитать. Ссылаться на нее могли сторонники противоборствующих политических взглядов – одни обещали возвращение России в лоно «европейской цивилизации», из которой она выпала не то в 1917 году, не то в XIII веке; другие, напротив, призывали охранять устои «русской» или «евразийской» цивилизации.

Между тем антиисторизм «цивилизационной школы» бросается в глаза при первом же ее соприкосновении с фактами. Само понятие цивилизации рассматривается как застывшее, «фундаментальное» – неизменное. Автор данной книги, историк и политолог Б. Кагарлицкий в противовес абстракциям, мифам и идеологическим спекуляциям «цивилизационной школы» доказывает, что Россия никогда не была страной, изолированной от мира. Русская история развивалась в полном соответствии с циклами мировой истории даже тогда, когда в России провозглашались изоляционистские идеологемы.

Работа Б. Ю. Кагарлицкого отличается научной основательностью, привлечением огромного

количества фактического материала и охватывает весь период русской истории с древнейших времен до наших дней.

Введение ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИКА

«Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ничем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили», – горько констатировал выдающийся русский мыслитель XIX века Петр Чаадаев [[1] Чаадаев П.Я. Поли. собр. сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 330.]. Впрочем, подобный пессимизм не помешал ему же позднее заявить: «Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество – иметь возможность созерцать целый мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникающих в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества» [[2] Там же. С. 534.].

ПРЕДМЕТ И МЕТОД

В начале 90-х годов XX века Россия в очередной раз удивила мир стремительными и неожиданными переменами. Крах Советского Союза, мгновенное превращение видных деятелей коммунистической партии в ярых либералов, поразительно быстрая и легкая смена лозунгов правящими кругами, перебравшими весь набор политических идей от «возрожденного социализма» и «правового государства» до сильной исполнительной власти и российского национального возрождения – и все это за одно десятилетие.

В «спокойные» периоды людям начинает казаться, что прошлое не имеет к ним никакого отношения. Его надо изучать по учебникам и монографиям. Обострение политической борьбы заставляет каждого человека, порой против его собственной воли, «жить в истории» и «творить историю». И тогда мы неожиданно обнаруживаем, что НАШИ НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ, ОШИБКИ И УСПЕХИ – ТОЖЕ ЧАСТЬ ИСТОРИИ, ЧТО МЫ ОТВЕТСТВЕННЫ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ ТАК ЖЕ, КАК И ПЕРЕД БУДУЩИМ. И мы обязаны понять значение накопленного опыта для сегодняшнего дня просто потому, что иначе мы рискуем ничего не понимать в своих собственных действиях.

Быть марксистом не в последнюю очередь как раз и значит осознавать непрерывность истории. Когда антикоммунистические силы одержали верх в Москве в августе-сентябре 1991 года, они первым делом принялись сносить памятники и переименовывать улицы, пытались изгнать из

столицы призраков коммунистического прошлого и заселить ее новыми призраками – докоммунистическими. Но не тут-то было. Призрак так легко убить нельзя. И переименование улиц или городов дало обратный эффект, выявив, насколько идеи, слова, понятия, внедрившиеся в общественное сознание за десятилетия коммунистического режима, стали неискоренимой частью национальной культуры.

Все происходящее в стране могло бы показаться невообразимой и безвкусной фантасмагорией, если бы это не было нашей собственной жизнью и судьбой. Политические ошибки в России всегда стоили невероятно дорого. Не для политиков, разумеется, а для страны. Поэтому, глядя в прошлое, мы обычно становимся в позицию судей, если не прокуроров. Но поиски виновных в истории отнюдь не возвышают нас над событиями. Как раз напротив. В истории нет и не должно быть однозначных оценок и окончательных, не подлежащих обжалованию приговоров. Следовательно, мы должны не судить, а понимать.

Понять не значит простить. Понять прошлое означает быть способным преодолеть его. В конечном счете, речь идет о том, чтобы уметь изменить настоящее. Ради чего, собственно говоря, и существует история.

Увы, история всегда была тесно связана с политикой. С древних времен события прошлого использовались для обоснования амбиций правителей. Достаточно прочитать древние Хроники или труды Тита Ливия, чтобы понять, насколько взгляды на описываемые события зависимы от религиозных и политических воззрений повествователя. Позднее в Европе национальный миф, опирающийся на исторические факты, сам становится основой государственной идеологии. Критика исторических мифов сама по себе стала мощным оружием революционеров с конца XVIII века. В марксистской традиции историзм и критический подход к обществу оказались неразделимо связаны.

Нигде в Европе не спорят так яростно о деятелях давно минувших дней, как у нас в стране. Оценки Ивана Грозного, Александра II или Петра I неотделимы от политической позиции автора. Все эти персонажи и символы все еще «здесь», с нами. О них говорят так, будто они только что вышли за дверь. Вся страна напоминает огромный дом с привидениями, которые незримо (а иногда и зримо) присутствуют среди участников современных событий. Прошлое оказывается напрямую связано с будущим, оно порой кажется участникам событий важнее настоящего. При этом история оказывается предельно идеологизирована и политизирована. Разумеется, здесь нет ничего исключительного. «Власть над прошлым» есть форма политического контроля. Особенность России, однако, в том, что отсутствие сколько-нибудь развитых форм народного представительства сделало историю принципиально важной для легитимизации власти. Не имея возможности подтвердить свою законность честно полученным народным мандатом, сменяющие друг друга режимы и правительства принуждены были апеллировать к прошлому, к истокам.

Множество томов написано отечественными историками в жанре «поиска виноватого». Одни, со времен Карамзина, жалуются на татаро-монгольское нашествие XIII века, «задержавшее развитие страны», другие возлагают вину на революцию 1917 года или на большевиков, которые «столкнули Россию с правильного пути». «Славянофилы» обвиняют в бедах России Петра Великого, пожертвовавшего самобытностью ради западных вейний.

Можно искать объяснения всех бед в решении Владимира Красное Солнышко принять христианство от Византии, а не от Рима. Средневековые хронисты, правда, упоминают, что у князя Владимира были еще и другие варианты: например, принять иудаизм, что повергает в ужас сторонников теории «еврейского заговора».

«Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...» – писал Тютчев. В самом деле, общие, «европейские» схемы, как правило, в России оказывались посрамленными. Но вот беда: попытки анализировать русскую историю с позиций национальной исключительности и «самобытности» проваливались столь же безнадежно.

На протяжении XIX века борьбу за русскую историю вели либеральная и славянофильская исторические школы. После краха Советского Союза эти же школы возродились в первоначальном виде, как будто не было ни опыта XX столетия, ни открытий археологии, ни «ревизионистской историографии» на Западе. «Западники» и «славянофилы» абсолютно едины в понимании русской истории как изолированной и «особенной», не подчиненной общей для других стран логике. Первые видят в этом странную аномалию, возникшую в силу ряда случайных обстоятельств – преодолеть это «ненормальное» положение дел должна просвещенная власть, готовая порвать с прошлым, а в случае необходимости и совершить ритуальное надругательство над народом и его культурой. Напротив, «славянофилы» верят в «особый путь» России, восторгаются ее своеобразием. Они холят и лелеют все, что может служить доказательством существования особой «православной» или «евразийской» цивилизации, все, что противопоставляет ее остальному миру.

Надо сказать, что представление о России, как о стране, чудесным образом существовавшей вне мировой истории и международной экономики, не чуждо и некоторым западным историкам. Никто иной, как Фернан Бродель, писал, что Московское царство представляло собой страну, которая «оставалась наполовину замкнутой в себе», жило, не особо нуждаясь во внешнем мире, ибо такая огромная держава – «сама по себе мир-экономика» [[3] Бродель Ф. С. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Весь мир, 2007. С. 482.]. Основные события русской социально-экономической истории излагаются им без всякой связи с аналогичными процессами, происходившими в других странах. Так, возникновение крепостничества объясняется исключительно стремлением царя поддержать помещиков, от которых земледельцы могли разбежаться по бескрайним русским просторам [Вообще надо отметить, что русский раздел книги Броделя написан на удивление неряшливо, изобилует неточностями. Так, Иван Грозный, а не Иван III характеризуется как деятель «основавший и вылепивший новое московское государство» (с. 486). В другом месте указывается, что английская «Московская Компания» смогла «открыть дверь в Архангельск» (с. 481-482), тогда как на самом деле архангельский порт был открыт голландцами, не в последнюю очередь для того, чтобы создать конкуренцию англичанам] [[4] См. там же. С. 487.]. При этом от внимания выдающегося французского историка странным образом ускользает то, что ровно в то же время в других, не столь «просторных» странах Восточной Европы происходят очень схожие процессы, им же самим упомянутые.

В классическом исследовании Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» раздел о России настолько лишен связи с другими частями этой работы, что возникает вопрос:

зачем вообще нужно было включать Россию в книгу, посвященную развитию мирового рынка?

Между тем, история России просто не существует вне европейской и мировой истории. И не только в смысле хронологическом или географическом. Российская специфика и даже «уникальность» есть лишь своеобразное проявление общемировых процессов. Зачастую – проявление экстремальное. Но именно поэтому понимание русской истории – необходимое условие для осознания того, что творится в мире. И наоборот: без понимания мировой истории русское прошлое действительно превращается в цепочку нелепых загадок, которую, как говорил поэт, ни умом не понять, ни общим аршином не измерить. «Общий аршин» – вообще противоречие в определении, такая мера длины нигде, кроме России, не существовала. Но именно в этой поэтической оговорке отражена вся тупиковость культурно-исторических дискуссий о судьбе России.

«Уникальность» России действительно можно подтвердить ссылкой на множество фактов. Это страна, где, по выражению Петра Великого, «небывалое бывает». Но «уникальность» России объясняется не «загадочной славянской душой» и не отставанием от «передового Запада», а специфическим положением, которое наша страна занимала в мировой экономической системе. В русской истории нет ничего «неправильного» или загадочного. Но ее, как, впрочем, и историю любой другой страны, невозможно понять вне мирового развития.

ШКОЛА ПОКРОВСКОГО

К счастью, идеи «славянофилов» и «западников» – далеко не единственное, что было порождено русской исторической традицией. Революция 1917 года поставила под вопрос мифы официальной русской историографии. Само представление о русской культурной традиции обречено было на коренной пересмотр. В начале XX века, когда грядущие потрясения еще только предчувствовались, либеральные публицисты писали, что народ, совершивший революцию, обречен родиться заново. Самосознание англичан и французов, их представления о себе были радикально изменены благодаря опыту революций.

Прошлое России неминуемо обречено было в первой четверти XX века стать объектом переосмысления, марксистской исторической критики. Лидером этой критики, в сущности, первым «ревизионистским историком» в современном понимании слова, стал Михаил Покровский. Ученик выдающегося либерального историка Ключевского, он пришел к выводу, что русское прошлое нуждается в радикальном переосмыслении, а марксистский анализ дает ключ к новому пониманию событий. Однако судьба «исторического ревизионизма», представленного в советской России «школой Покровского», оказалась незавидной. Его идеи были востребованы в годы революционного подъема. С того момента, как возглавляемая Сталиным бюрократия одержала верх над революционными фракциями, изменился и подход к истории.

Разгром «школы Покровского», умершего за пять лет до того, начался в недоброй памяти 1937 году и принял характер серьезной идеологической кампании. «Старые большевики», оказавшиеся на скамье подсудимых «Московских процессов», были приговорены к расстрелу, а теория Покровского была приговорена к исчезновению не только из учебных программ по

истории, но и из общественной памяти. Уцелевшие ученики выдающегося историка подверглись репрессиям. Их умершего учителя обвинили в том, что его концепция «лишена чувства родины», а его труды отличает «игнорирование ленинско-сталинских указаний по вопросам истории» [[5] Малая советская энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1939. С. 386.]. В чем состояли эти указания (тем более – со стороны давно уже умершего Ленина), никто объяснить, естественно, не удосужился. Пропагандистская кампания, совершенно в стиле «Московских процессов», состояла в распространении совершенно нелепых и карикатурных обвинений, которые имели такое же отношение к действительности, как и обвинения в шпионаже в пользу всех империалистических держав сразу, выдвинутые против «старых большевиков». Емельян Ярославский, придворный публицист Сталина, подвел итог разгрому, написав в «Правде», что взгляды уничтожаемой школы представляют собой «антимарксистские извращения и вульгаризаторство» [[6] Правда. 12.01.1939.].

Фактически после разгрома школы Покровского официальная историческая наука возвращается в лоно дореволюционной традиции. «Советский термидор» нуждался в собственных мифах. Перечень правителей, дополняемый описанием побед русской державы, чередуется с периодически повторяемыми жалобами на экономическую и культурную «отсталость». Советский период выглядит завершающим и триумфальным, ибо он знаменует продолжение побед на фоне преодоления отсталости. Коммунистическая партия воплощает итог тысячи с лишним лет развития России. История выполнила свою задачу и становится ненужной (страна лишь идет «от съезда к съезду», на которых счастливый народ докладывает партии о своих успехах). После разгрома «школы Покровского» в 1930-е годы советская историческая наука в основном вернулась к традиционным концепциям исследователей XIX века, лишь украсив их цитатами из Маркса, Ленина и Сталина.

В 1960-е годы, под влиянием общего духа перемен, царивших в обществе, возобновилась и полемика среди историков. Господствующие концепции начали подвергаться критике и переосмыслению, но продолжалось это недолго. С окончанием эпохи «оттепели» пресекалась и очередная историческая дискуссия. Спустя еще два десятилетия крах советской системы позволил благополучно убрать «марксистские» цитаты из учебников и академических монографий, ничего не меняя по существу.

Конечно, с крушением Советского Союза исторический официоз подвергся идеологической корректировке. Но изменено было лишь отношение к советскому периоду – из эпохи великих побед он превратился в череду «мрачных страниц прошлого». Иными словами, несмотря на все политические перипетии, подход к досоветской истории (да и культурной традиции) оставался неизменным. Советские историки продолжали линию либеральных авторов XIX века, а писатели-антикоммунисты, осудив все советское, провозгласили возврат к либеральной традиции, убрав ставшие ненужными цитаты. Идеи, торжествовавшие в конце XIX века, оставались непоколебимо официальными и в начале XXI столетия. Социальная и экономическая история вообще оказались как бы вне поля зрения образованного общества. Не то чтобы по этим вопросам не выходило новых книг – новые исследования выходили, порой блестящие, – но они очень мало влияли на общие представления о прошлом, преобладавшие в массовом и даже в интеллигентском сознании.

Напротив, Покровский с самого начала формулировал свои идеи в жестком противостоянии с

господствовавшими тогда в исторической науке идеями. Высоко оценивая сравнительно «нейтрального» Соловьева, он явно противопоставлял свои взгляды либеральным воззрениям на прошлое России и обещал реинтерпретировать русскую историю с материалистической точки зрения. Причем обращался Покровский прежде всего к читателю, «мозги которого не вывихнуты школьными учебниками истории» [[7] Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия). 7-е изд. Ч. 1. М.-Л.: 1929. С. 3.]].

Официальная историография отплатила Покровскому той же монетой. Покровского фактически вычеркнули из общеупотребительного списка русских историков. Не случайно, что после отмены советской цензуры, когда в массовом порядке стали переиздаваться работы многочисленных дореволюционных историков, включая второстепенных и третьестепенных, работы Покровского так и оставались неизвестными широкой публике. В официальной школьной хрестоматии по русской истории Покровский – единственный, кому не уделено ни строчки, чье имя даже не упоминается!

Однако в чем все же состоит принципиальное различие? Дело в том, что для русской исторической традиции оказалось характерно преувеличение роли внешнеполитических факторов, недооценка внешнеэкономических и крайне слабое понимание связи между первыми и вторыми. Попытка понять историю любой страны вне связи с историей человечества в целом обречена на провал. Попытка же анализировать русскую историю как некое самостоятельное и изолированное повествование могла привести только к возникновению конкурирующих мифов «западников» (верящих, будто все беды России – от недостаточного влияния Запада) и «славянофилов» (убежденных, что все несчастья происходят от избытка этого влияния). Как на самом деле построены отношения России с внешним миром, какова их природа и в чем причина их драматизма, остается и для тех и для других мистической загадкой, к которой они суеверно предпочитают даже не притрагиваться.

Ортодоксальный марксизм, в том виде, в каком он был воспринят русскими «легальными марксистами» начала XX века, отнюдь не исправил положения. История каждой страны рассматривалась в отдельности от мировых процессов, а развитие воспринималось как нечто вроде состязания бегунов, бегущих по параллельным дорожкам, но одновременно и в одном и том же направлении. Именно эти представления (противоречившие, кстати, не только диалектическим идеям Маркса, но и опыту русской революции) легли в основу официального советского марксизма времен Сталина. Отсюда, кстати, и классические образы риторики сталинизма – «догнать и перегнать Америку», «вперед, по пути к коммунизму» и т.д.

Петр Струве и другие либеральные идеологи «легального марксизма» вряд ли предполагали, что закладывают методологические основы для целой школы коммунистических пропагандистов и официальных историков, но сделанная ими «марксистская» прививка к либеральной исторической традиции оказалась на редкость эффективной. Вместо того чтобы применить критический метод к достижениям исторической мысли XIX века, официальная советская история свела свой марксизм к повторению тех самых идей, которые, с точки зрения Маркса, надлежало подвергать сомнению.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ШКОЛА»

Восстановление традиций «школы Покровского» необходимо, по крайней мере, в интересах научной добросовестности и исторической справедливости. И все же простого возвращения к идеям Покровского уже недостаточно. Если господствовавшие в русской исторической науке концепции мало изменились за последние сто лет, то археология и архивные исследования заметно продвинулись. Одновременно «школа миросистемного анализа» в англоязычной социологической и исторической литературе дала нам важные идеи для понимания общественного развития. Парадоксальным образом, перечитывая Покровского под этим углом зрения, легко прийти к выводу, что переосмысление господствующих концепций русской истории должно быть даже еще более радикальным, чем у марксистского исследователя начала века.

Между тем, реальное развитие общественной мысли в посткоммунистической России пошло по совершенно иному пути. Крах советской идеологии не мог не породить серьезного кризиса и в общественных науках. Поскольку марксизм был поставлен вне закона, а бесконечно повторять тезисы столетней давности было уже невозможно, умами завладела «теория цивилизаций». Книга Сэмюэла Ф. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [[8] Huntington S. *The Clash of Civilizations*. N.Y.: 1996.] как-то сразу вошла в моду, даже раньше, чем ее кто-либо успел прочитать. Ссылаться на нее могли сторонники противоборствующих политических взглядов – одни обещали возвращение России в лоно «европейской цивилизации», из которой она выпала не то в 1917 году, не то в XIII веке, другие, напротив, призывали охранять устои «русской» или «евразийской» цивилизации.

Основоположником цивилизационного подхода к истории принято считать Освальда Шпенглера. Однако еще до того, как им был написан знаменитый «Закат Европы», похожие представления об истории были сформулированы консервативным русским мыслителем Николаем Данилевским. Книга Данилевского «Россия и Европа», опубликованная в 1871 году, когда русское общество понемногу оправлялось от шока, вызванного поражением в Крымской войне, проникнута неприязнью к «неблагодарному Западу», не умеющему оценить «великодушия» России. Данилевский особо подчеркивает, что врагом России являются не правительства, а именно народы, общество западных стран. Данилевский убежден, что во время Крымской войны «общественное мнение Европы было гораздо более враждебно к России, нежели ее правительственные и дипломатические сферы» [Любопытно, что в предисловии к этому изданию книги Данилевского его теории прямо противопоставляются марксистской концепции миросистемы. Причем преимущество «цивилизационного подхода» доказывается весьма своеобразно. Оказывается, миросистемный подход, обнаруживая периферийность России, вызывает пессимизм, тогда как идеи Данилевского настраивают русского человека на оптимистический лад. Жаль, что общественные теории оцениваются не по тому, насколько они правильно объясняют реальность, а по тому, какое настроение они вызывают у читателя. Нелишне, кстати, напомнить, что пессимизм и оптимизм – дело субъективное. Миросистемная теория вовсе не утверждает, будто страны периферии неизбежно обречены зависеть от Запада. Она лишь объясняет, почему они не могут решить собственные проблемы, не преобразуя миросистему в целом] [[9] Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. М.: Известия, 2003. С. 42.]. Все дело в глубокой неприязни, которую западная цивилизация, основанная на принципах «утилитарности» и «практической пользы», испытывает к русской цивилизации, воплощающей гармонию практического начала и высокой духовности. На Западе

«нет места закону любви и самопожертвования» [[10] Данилевский Н.Я. Цит. соч. С. 54.].

Напротив, Российская империя все делала наиболее нравственным образом, даже ее завоевательная политика была направлена исключительно на пользу покоряемых народов. «Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез». Русский народ обижали и угнетали все. Сам же он не обидел никого. «Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях попорченных народностей. Он или занимал пустыри, или соединял с собой путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней; или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли долее сохранять ее, как армяне и грузины. Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее южные окраины, слывущие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России» [[11] Данилевский Н.Я. Цит. соч. С. 45.].

К моменту написания работы Данилевского как раз подошла к концу полувековая Кавказская война, сопровождавшаяся массовыми убийствами и «этническими чистками» черкесов, чеченцев и других народностей, не понимавших блага православной цивилизации. Точно так же и «раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами, в котором ее не должны были смущать порывы сентиментальности и ложного великодушия» [[12] Там же. С. 55.]. Восстания же поляков и других покоренных народов объясняются исключительно их неблагодарностью и амбициями. А если в самой России многие с этим не согласны, то только потому, что под влиянием западного просвещения «крепко забились гуманитарные бредни в русские головы» [[13] Там же. С. 50]. К числу других бедствий, постигших русский народ, относятся, по его мнению, такие чуждые культурному национальному типу новации, как введение в обиход европейского платья, предоставление обвиняемому права на защиту и освобождение печати в конце 60-х годов XIX века.

Не только имперские завоевания, но и крепостное угнетение русских крестьян не вызывает у него осуждения. Данилевский прославлял русского православного чиновника так же, как Редьярд Киплинг миссию белого человека. Однако дремучий консерватизм Данилевского опирался на вполне серьезную методологическую основу – теорию «культурно-исторических типов», имеющих четкие законы развития. В этом смысле ничего нового со времени Данилевского не сказали под занавес XX века ни Сэмюэл Хантингтон, ни другие звезды «цивилизационной школы». Разница лишь в том, что каждый из них предлагает собственный список «цивилизаций» и собственную трактовку их различий.

Антиисторизм «цивилизационной школы» бросается в глаза при первом же ее соприкосновении с фактами. Само понятие цивилизации рассматривается как застывшее: «фундаментальное» – неизменное. На самом деле, «основным», неизменным кажется то, что сохранилось исторически, а не наоборот. При этом «цивилизации» постоянно меняются под воздействием внешних исторических – экономических, политических – факторов.

«Цивилизационный» подход оказался одинаково удобен для враждующих политических

направлений. На Западе он стал в начале XXI века идеологией новых крестовых походов и оправданием неокOLONиализма. В XIX веке Киплинг прославлял «бремя белого человека», который несет на Восток достижения индустриальной цивилизации. Теперь передовые страны должны были привить «отсталому миру» ценности демократии, которые, оказывается, напроочь отсутствуют в мусульманской или «конфуцианской» культурах. Для этого не грех и оккупировать ту или иную отсталую страну и попользоваться ее ресурсами – до тех пор, пока местное население не «созреет» для демократии. Исламские фундаменталисты нашли в тех же концепциях дополнительное обоснование своей ненависти к «безбожному Западу». А русские националисты ссылались на Хантингтона для объяснения того, почему надо защищать православие и «святую Русь» от натиска «атлантической культуры», «исламской угрозы» и «китайского давления».

Преимущество «цивилизационного» подхода состоит именно в его ненаучности, в размытости и неопределенности понятий, которые можно выворачивать на любой лад. Разразившаяся на этой почве дискуссия о том, существует ли «евразийская» или «русская цивилизация», сама по себе показательна. Каждый участник спора придумывал собственные определения, в результате чего одних лишь толкований термина «евразийство» набралось великое множество.

Впрочем, главная проблема «цивилизационной школы» – не в размытости определений, а в нежелании считаться с историей и вообще с фактами. В этом смысле перед нами классический пример «идеологии» в понимании молодого Маркса, «ложного сознания», которое представляет собой набор устойчивых стереотипов, не поддающихся проверке практикой. «Цивилизация» здесь воспринимается как нечто устойчивое на протяжении столетий, некие культурные принципы, определяющие развитие народов на протяжении веков. Отсюда возникает уверенность, будто существует некий «западный» и «русский человек» вообще, вне конкретного политического, социального и экономического контекста. Культурные традиции, действительно, устойчивы. Но они эволюционируют. Их содержание формируется и меняется именно под влиянием истории, вместе с развитием общества. Сами по себе они – продукт этого развития, способ коллективного осмысления и фиксации результатов общественной эволюции. В результате, «цивилизации» и культуры переживают разительные метаморфозы.

Общеизвестно, что Макс Вебер видел в «конфуцианстве» (в отличие от «протестантской этики») культурный механизм, сдерживающий предпринимательство. А «поствеберовская» социология именно в конфуцианстве видит азиатский эквивалент «протестантской этики», обеспечивший успех Японии, Кореи и Китая на мировом рынке.

Был ли не прав Вебер? Отнюдь. В его эпоху конфуцианство функционировало как консервативная и традиционалистская идеология. Но вместе с модернизацией стран Дальнего Востока менялось и наполнение конфуцианской традиции. Ошибка состоит не в том, как трактуется та или иная культура, а в том, что сани в данном случае ставятся впереди лошади. Не культура предопределила успех или поражение модернизации, а наоборот, успех или поражение модернизации предопределяет тот или иной вариант развития культуры. В этом смысле «консерватизм» или «радикализм» ислама во второй половине XX века тоже отнюдь не является чем-то унаследованным от времен Магомета. Ислам стал таким в результате неудачи модернизаторских попыток на Ближнем Востоке. Это своеобразное осмысление трагического опыта, реакция на череду неудач и унижений, пережитых арабским миром.

Легко заметить, что в эпоху политических и экономических успехов «исламская культура» была совершенно иной. Посмотрите на «европейскую цивилизацию» и «мусульманский Восток» в XI веке, в момент, когда начинаются Крестовые походы. Запад в это время закрыт, консервативен, враждебен к инновациям, милитаризован, агрессивен. «Франки» (так называли на Востоке всех западных европейцев) приходят в Константинополь, а потом и в Иерусалим толпой варваров, несущих сплошное разрушение. Вожди крестоносцев с трудом удерживают свое воинство от грабежей на территории «союзнической» Византии. Эти люди неграмотны и нечистоплотны. Они не знают элементарных вещей об устройстве мира, полны суеверий, жестоки. Напротив, Восток динамичен, толерантен, склонен к новациям, открыт. Именно поэтому на первых порах он терпит неудачу. Военный успех европейцев – результат более высокого уровня милитаризации. Но этот успех оказался недолговечен, ибо Восток, обладая технологическим перевесом и более динамичной социальной системой, вновь «переиграл» Запад в XIII-XIV веках [Блестящее описание Крестовых походов как столкновения западного варварства и восточного просвещения [[14] см.:Ali T. The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. N.Y., Verso, 2003.]].

Крестовые походы, разумеется, можно изобразить как столкновение систем или «цивилизаций». Получится очень похоже на XXI век, только роль «открытого общества» и «культуры просвещения» будет играть не Запад, а исламский мир.

Разумеется, происходит взаимопроникновение культур, но это не объясняет рывка Европы в XV веке. Крестовые походы открыли для Запада восточные знания и технологии, но еще не гарантировали успешного развития. Не случайно в военном плане они закончились неудачей, за которой последовало наступление Османской империи на Юго-Восточную Европу. И лишь в XVI веке западные страны, уже вступающие в эру буржуазного развития, остановят натиск османских турок.

Восток в XVI веке не стал «консервативнее», скорее он стал восприниматься как консервативный на фоне головокружительного развития Запада. Что же случилось в Европе на рубеже XV и XVI столетий?

Можно сказать, что на исходе Средневековья произошла своего рода «цивилизационная мутация». Она началась с Крестовых походов. А затем Западная Европа переживает в XV-XVI веках Ренессанс и Реформацию, причем, в культурном плане Ренессанс значил, быть может, больше, чем Реформация. То, что европейская культура радикально изменилась, не вызывает сомнений. Вопрос в другом: почему? Пользуясь «культурологическими» методами, никаких объяснений найти невозможно, сколько бы ни копать в раннем Средневековье. Между тем ответ лежит на поверхности: причиной культурной трансформации является развитие буржуазных отношений. Неслучайно очаги культурной модернизации в средние века возникают именно там, где наблюдается наиболее динамичное развитие новой рыночной экономики, – в Италии и Нидерландах. Меняется жизнь, меняется повседневный опыт людей, меняется и их сознание.

Марксистский взгляд на историю опирается на достаточно очевидные факты, в противовес абстракциям, мифам и идеологическим спекуляциям «цивилизационной школы». Однако сами марксистские исследователи, пытающиеся разобраться в происхождении европейского капитализма, делятся на два направления. Одна группа авторов обращает внимание на технологическую революцию, развернувшуюся на Западе в XV-XVI веках, рост внутреннего рынка и формирование буржуазного типа производства. Города предъявляют повышенный спрос на продукцию села, натуральное хозяйство окончательно сменяется товарным, а это означает, что нужно менять всю экономическую организацию. В конечном счете, начинает меняться и сельское хозяйство, все более ориентирующееся на потребности рынка. Капитализм вырастает из развития феодализма.

С другой стороны, возникает подозрение, что весь этот бурный рост был вызван не только и не столько внутренней динамикой системы, сколько внешними толчками. Два события изменили лицо Европы в XIV и XV веках. Оба эти события воспринимались современниками вовсе не как начало новой эры, а как Божия кара и в любом случае беспрецедентное бедствие. Речь идет о Великой Чуме и о падении Константинополя.

Чума, уничтожив до трети европейского населения, создала спрос на наемную рабочую силу, в том числе и в деревне. Падение Византии предопределило торговый кризис и поиски новых морских путей, что привело к открытию Америки и путешествиям в Индию. Поток золота из Нового Света привел к «революции цен», когда золото утратило прежнюю покупательную способность, зато резко возрос спрос на товары. Это был, пожалуй, первый случай, практически подтвердивший будущую теорию Дж. М. Кейнса об инфляции как стимуле экономического роста. Колонизация Америки создала трансатлантическую экономику, в рамках которой и сложился капитализм.

Школа «миросистемного анализа», созданная Иммануилом Валлерстайном, Самиром Амином и Андре Гундером Франком, концентрирует свое внимание именно на этих глобальных процессах. Напрашивается, однако, вопрос: если бы не было сначала чумы, а затем падения Константинополя – неужели не было бы и европейского капитализма? Тем более что буржуазные отношения явно вызревали в Италии, Фландрии, Чехии и некоторых других частях Европы задолго до эпохи Великих географических открытий.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, и все же как быть, когда мы имеем дело с двумя различными, но равно убедительными объяснениями одного и того же процесса? Скорее всего, «внутреннее» развитие европейских городов и «внешний» толчок дополнили друг друга. В позднефеодальном Западе накапливался огромный творческий, технологический, а главное, социальный и организационный потенциал. Однако были нужны внешние стимулы, чтобы все эти силы внезапно вырвались на свободу [Показательно, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Коммунистическом манифесте» также подчеркивают связь между формированием нового мира экономики и становлением капитализма: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое

развитие революционного элемента»] [[15] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 425.].

В любом случае, без «великого перелома» XIV-XV веков капитализм не принял бы ту форму, в которой мы его знаем в Новой истории. Причем именно культурное оформление буржуазной цивилизации Запада в значительной мере было predetermined этими событиями.

Андре Гундер Франк в книге «Re Orient» пытается объяснить торжество Запада на протяжении Нового времени исключительно «случайным» стечением обстоятельств [[16] Frank A.G. Re Orient. University of California Press, 1998.]. Колумб случайно нашел Америку, там случайно оказалось много серебра, это случайно совпало с периодом экономического упадка в странах Азии и т.д.

«Re Orient» примечательна именно в том смысле, что показывает теоретическую ограниченность миросистемного анализа. Начав с демонстрации ограниченности ортодоксальных марксистских схем, сводящих историю экономики исключительно к «естественному» развитию производительных сил и производственных отношений, эта школа на определенном этапе обнаружила, что без понимания движущих сил социальной истории невозможно разобраться ни в развитии мировой торговли, ни в геополитике.

И в самом деле, средневековая Европа далеко отставала от Востока. Африканцы смеялись, увидев каравеллы португальцев, ибо они уже видели величественные суда китайского флота. Однако именно эти маленькие суденышки изменили всю мировую экономику и политику, тогда как Великий Китай, обладавший несравненно большими ресурсами, ничего революционного в ту эпоху не совершил. Восток отстал потому, что капитализм не смог сформироваться в рамках азиатской торговой цивилизации. Азиатский способ производства, который Маркс обнаружил в Китае, Египте и Индии, все же был реальностью, а не мифом. Государство было сильным, обеспечивало хозяйственное равновесие и поступательное развитие, которого не было в Европе. Благодаря этому в древности Китай опередил Запад на целую эпоху. Но отсутствие равновесия на Западе таило и огромные возможности. Историческое развитие – не линейный, а неравномерный процесс. Даже в XVII веке Европа все еще учится у Китая в плане технологии. Восток опережает Запад и по уровню грамотности, и по производительности труда, и по благосостоянию.

Но Запад развивается стремительно, а Восток стагнирует. Причина проста, и ее вполне убедительно показал все тот же Карл Маркс. На Западе торжествует капитализм, заставляющей безжалостно, но предельно эффективно мобилизовать все наличные человеческие и технологические ресурсы ради накопления. Восток же так и не превратил накопление торгового капитала в буржуазный способ производства.

Роль Великих географических открытий в истории капитализма огромна. И все же капитализм вызревал внутри феодализма естественным образом. Другое дело, что именно географическая экспансия западного мира сделала ВОЗМОЖНОСТЬ буржуазной эволюции в Западной Европе РЕАЛЬНОСТЬЮ. Все протобуржуазные движения в Европе XIV-XV века терпели поражение – до начала великих географических открытий. Итальянский Ренессанс был, в сущности, первой буржуазной революцией – прежде всего, в сфере культуры и идеологии, но также и в области политики: неслучайно его теоретическое обобщение мы находим в «Государе» Макиавелли.

Чешские гуситы были первым прототипом буржуазного национального движения – в богатой, развитой и процветающей Чехии. Идеология гуситов была прямой подготовкой Реформации, но гуситы были изолированы и побеждены, а спустя сто лет Реформация как пожар охватила всю Европу. Что изменилось за это время? Изменились внешние условия. Возможное стало действительным. Именно резкое расширение экономического мира дало шанс иного развития, резко изменив соотношение социальных сил в обществе, стимулировав появление новых технологий, рост буржуазных отношений вширь и вглубь.

Таким образом, реальный капитализм исторически сложился именно как миросистема и приобрел свои конкретные черты именно в процессе развития мироэкономики.

Буржуазные отношения существовали и до Великих географических открытий. Торговый капитал существовал задолго до того, но нигде не смог стать господствующей социальной силой. Италия XIV-XV веков зашла в тупик, не найдя перспектив для торговой экспансии. Именно открытия XV-XVI веков создали условия, когда эти отношения оказались экономически господствующими. А главное, великие открытия сделали, в конечном счете, необходимым превращение торгового капитала в промышленный. Переворот XV-XVI веков позволил высвободиться разрушительным и созидательным силам капитализма. А капитализм позволил Западу успешно реализовать уникальные социокультурные возможности, открывшиеся на рубеже Средневековья и Нового времени.

Сторонники традиционного марксизма с недоверием относились к «школе миросистемного анализа». Ведь, по их мнению, в работах этих исследователей капитализм предстает не как способ производства, а скорее как система обмена. В самом деле, мировая система, описанная в работах Валлерстайна и его последователей, выглядит, прежде всего, как иерархически организованная международная торговля. Однако на самом деле речь идет все-таки не о торговле как таковой, а о международном разделении труда. Международная торговля существовала задолго до возникновения капитализма. И лишь с того момента, как начало складываться мировое разделение труда, торговля стала играть ту решающую роль в накоплении капитала, которую отметил еще Карл Маркс.

Международное разделение труда неотделимо от производства. Разумеется, разделение труда появилось задолго до капитализма, но без него буржуазный порядок был бы невозможен. Форма, которую международное разделение труда начало приобретать уже в ходе Средневековья, предопределила социально-экономические, технологические и даже культурные процессы в целом ряде стран. Например, Византия, остро нуждавшаяся в сырье, поступавшем в Константинополь из Причерноморья и Киевской Руси, стимулировала развитие там соответствующих промыслов, затем распространение ремесел, воспроизводивших византийские технологии, и, наконец, распространение православного христианства. Такое же точно копирование было невозможно и бессмысленно в западноевропейских странах, не связанных разделением труда с греческой империей.

Еще более яркий пример – огораживание в Англии XVI века, когда тысячи крестьян были согнаны со своих земель, превращенных в пастбища для овец. Это было вызвано не внутренними потребностями тамошнего сельского хозяйства, а спросом на шерсть, порожденным бурным развитием текстильного производства во Фландрии. Перефразируя

Томаса Мора, можно сказать, что овцы стали «пожирать людей» в Англии потому, что капитализм стал зарождаться в Нидерландах. Однако в самой Англии подобный спрос тоже привел к развитию буржуазных отношений, прежде всего в аграрном секторе [Здесь следует вспомнить Роберта Бреннера, одного из основных критиков Валлерстайна, подчеркивавшего, что именно аграрный капитализм, а не становление новой мировой системы лежал в основе ранних буржуазных революций].

Иными словами, благодаря международному разделению труда стали необходимы производственные и социальные процессы, которые в противном случае либо вообще не имели бы места, либо реализовались бы в совершенно иной форме, в иное время, а возможно, и в иной стране.

Капитализм возник одновременно как мировая экономическая система и как способ производства. Одно было бы невозможно без другого. Буржуазные производственные отношения не смогли бы развиваться и стать господствующими, если бы не было экономической системы, которая благоприятствовала этому. И напротив, если бы в «передовых» странах, ставших «центром» новой мировой системы, не сформировались новые производственные отношения, революционное преобразование мира было бы невозможно.

Ортодоксальный марксизм подчеркивает значение производственных отношений, тогда как «школа миросистемного анализа» доказывала, что решающую роль в развитии сыграла именно глобализация экономических связей, начавшаяся в конце XV века, создавшая возможность странам «центра» эксплуатировать дешевые ресурсы и труд «периферии». И в том и в другом случае речь идет о накоплении капитала. Ортодоксальный марксизм подчеркивает его внутренние источники, «миросистемная школа» – внешние. Соответственно, вставал вопрос о том, что такое капитализм: миросистема или способ производства?

Одно, впрочем, не исключает другого. Капитализм – это миросистема, основанная на буржуазном способе производства, но не сводимая к нему. Эффективная мобилизация внутренних ресурсов была необходима для успешной эксплуатации внешних. Именно поэтому быстро обуржуазившиеся Англия и Голландия выигрывают, а испанская империя с ее огромными владениями и богатствами, но все еще феодальными порядками проигрывает. Не имея достаточных внутренних условий для развития капитализма, Испания не смогла создать его в XVI-XVII веках, несмотря на огромные геополитические преимущества.

«ЦЕНТР» И «ПЕРИФЕРИЯ»

Эксплуатация «периферии» принимала разные формы на протяжении истории. Если ее конкретные формы хорошо известны социологам и экономистам, то глубинный механизм перераспределения оставался предметом острых дискуссий. Разделение капиталистической миросистемы на «центр» и «периферию» было предметом анализа на протяжении длительного времени (начиная с работ Розы Люксембург, заканчивая не только трудами Валлерстайна, Амина и др., но и книгами знаменитого финансового спекулянта Джорджа Сороса). Статистические данные, собранные на протяжении XIX-XX веков, показывают, что соотношение между зонами «периферии» и «центра» останется достаточно стабильным, хотя разрыв между

«передовыми» и «отсталыми» странами по большинству показателей неуклонно увеличивается. Разрыв между «центром» и «периферией» великолепно иллюстрирован региональной экономической статистикой. Нет недостатка в исторических и статистических данных, подтверждающих глобальное перераспределение ресурсов в пользу богатых стран. И тем не менее, для экономистов и политиков нередко остается загадкой, как это происходит, что именно порождает и воспроизводит подчинение «периферии» по отношению к «центру».

Почему такое положение вещей неуклонно воспроизводится, несмотря на то, что не только капитализм меняет свою форму, но и отношения между странами подвержены изменениям?

Первоначально марксисты склонны были объяснять тяжелое положение стран периферии их колониальной зависимостью от Запада. В середине XX века именно такой подход предопределил стратегию деколонизации, которая, покончив с политическим контролем, должна была гарантировать и экономическую независимость. Однако опыт Латинской Америки показал уже в XIX столетии, что политическая независимость не позволяет странам периферии радикально изменить свое положение в мировой системе. Аналогичным образом царская Россия демонстрировала явные черты периферийного общества, будучи не только независимым государством, но и влиятельной европейской державой.

Освободившись от европейских завоевателей, бывший «колониальный Восток» к 60-м годам XX века стал частью «третьего мира», слившись в экономическом смысле в единое целое со странами Латинской Америки, добившимися независимости еще в начале XIX столетия. Однако мировая иерархия от этого радикально не изменилась. Отныне доминирующее положение «центра» объясняли тем, что здесь сосредоточено индустриальное производство, в то время как периферия в мировом разделении труда берет на себя роль поставщика ресурсов. В 60-е годы XX века среди социологов и экономистов было принято говорить о «зависимости» бедных стран от богатого Запада. В свою очередь, освободительные движения выдвинули задачу индустриализации и модернизации (вдохновляющим примером здесь послужили первые советские пятилетние планы). Увы, индустриализация, несмотря на многие очевидные успехи, не решила проблемы. Тогда на первый план стала выдвигаться технологическая зависимость и способность Запада сосредоточить в своих руках стратегические монополии (на высокие технологии, оружие массового поражения, средства массовой информации и т.д.). Между тем даже создание индийской и пакистанской атомных бомб или арабской телекомпании «Аль-Джазира» не изменило глобальной экономической иерархии. Более того, после крушения коммунистического режима Россия и Украина, присоединившись к мировой экономике, явно демонстрировали все черты периферийного развития – несмотря на то, что уже обладали развитой промышленностью, унаследовали от СССР мощные вооруженные силы и передовую науку. Точно так же высокий уровень индустриализации и урбанизации не предотвратил деградацию Аргентины и Уругвая в конце XX века.

Много писалось и про «неэквивалентный обмен» между развитыми и развивающимися странами. Западные монополии, контролируя мировой рынок, диктуют ему цены на ресурсы, которые выкачиваются из стран периферии. Попыткой изменить ситуацию было создание картеля производителей нефти (ОПЕК), который сумел в первой половине 70-х резко изменить цены на топливо. Итогом был поток нефтедолларов, хлынувший на Ближний Восток и, отчасти, в Восточную Европу. Некоторые страны, обладавшие значительными запасами нефти и не

слишком большим населением, сумели обогатиться. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сделать эти страны частью капиталистического «центра», что с особой остротой выявилось во время войн, начатых Соединенными Штатами в Персидском заливе в 1991 и 2003 годах.

После краха Советского блока в 1989-1991 годах бывший коммунистический мир окончательно стал частью буржуазной миросистемы, причем большая его часть явно сблизилась со странами «третьего мира». К концу XX века изрядная часть периферийных стран была урбанизирована и индустриализована. Напротив, многие западные страны прошли через процессы деиндустриализации. Изрядная часть рабочих мест переместилась с «развитого» Севера на «отсталый» Юг. Но и от этого отношения Севера и Юга радикально не изменились. В конце XX века, наблюдая функционирование международных финансовых институтов, их критики продемонстрировали, что эксплуатация «периферии» и контроль над ней осуществляется через систему внешнего долга.

Дело в том, что неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе буржуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров». Даже резкий рост экономики на периферии не меняет положение дел радикальным образом. При известных обстоятельствах подъем производства в этих странах может даже ослабить их положение. Чем лучше страна работает, тем больше там возникает «свободный» или «избыточный» капитал, перераспределяющийся в пользу основных центров накопления. Конкретные формы международного разделения труда являются уже следствием этого глобального процесса. Эти формы меняются, а логика накопления остается.

Россия 90-х XX века годов в этом отношении демонстрирует весьма яркую картину, ибо на фоне масштабного кризиса, страна оказалась одним из финансовых «доноров» мировой экономики. Огромные средства были переведены в западную валюту, главным образом в американские доллары, и вывезены из страны. Показательно, что относительный подъем экономики России в начале 2000-х годов не изменил тенденцию – в относительно благополучный период 2000-2003 годов прямой и косвенный вывоз капитала из России оставался значительным.

Изменение формы эксплуатации и контроля сопровождает каждый новый этап эволюции капитализма. Но логика накопления капитала, централизации капитала остается неизменной. Открытая экономика, навязываемая странам «периферии», означает неизбежность перераспределения капитала в пользу «центра». Поэтому лишь Япония, сталинская Россия и страны Юго-Восточной Азии, сумевшие в разное время и разными способами «отделиться» от мирового рынка капиталов, сумели радикально изменить свое положение в глобальной иерархии.

Социальные процессы, разворачивавшиеся на периферии формирующейся капиталистической системы, естественно, отличались от того, что происходило в «центре». Еще в начале XX века Роза Люксембург подметила, что, втягиваясь в орбиту буржуазного развития, эти страны радикально преобразуются. Но их эволюция вовсе не повторяет механически процессы,

происходящие на Западе. Роза Люксембург рассматривала колониальные и полуколониальные страны, вовлеченные в орбиту капиталистического развития. Феодалные или традиционные элиты обуржуазиваются, включаются в рыночный обмен, но не становятся капиталистическими. Если в «центре» торжествует свободный труд, то на периферии развивается работоторговля, становящаяся важнейшим источником накопления капитала. Труд рабов субсидирует и стимулирует развитие свободного труда (дешевое сырье и продовольствие, дополнительные капиталы обеспечивают бурный экономический рост в странах «центра»).

Процесс глобализации, о котором модно стало говорить в 90-е годы, не только не изменил положение дел, но, напротив, даже усугубил социальные противоречия в мировом масштабе. Ряд исследователей на рубеже XX и XXI веков утверждали, что отныне разрыв между бедными и богатыми странами сменяется противостоянием транснационального капитала и трудовых слоев в глобальном масштабе. Однако глобальное противостояние труда и капитала отнюдь не является новостью – именно о нем писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Точно так же школа миросистемного анализа никогда не утверждала, будто противоречия существуют только между странами. Социальные конфликты внутри каждого отдельного общества слишком очевидны, чтобы кто-то мог их игнорировать. Другое дело, что структура общества и характер социального конфликта в «центре» и на «периферии» разные. И главным отличием является то, что правящие круги в странах «центра» обладают большими ресурсами, что обеспечивает возможность для социального компромисса и формирования консенсуса. В результате политические системы Запада оказываются устойчивее, демократии – стабильнее, политические и избирательные процессы более «чистыми» и т.д. Не наличие «богатой демократической традиции» предопределяет устойчивость западной свободы, а напротив, неизбежная экономическая неустойчивость периферии делает невозможным формирование «богатых демократических традиций».

С этой точки зрения особенно существенно то, что происходит в России и Восточной Европе. Если Роза Люксембург рассматривала эволюцию колониального мира, то здесь мы видим общества, где, как и на Западе, началось зарождение буржуазных отношений. Более того, эти страны активно включаются в новое глобальное развитие (в отличие от значительной части Южной Европы, не вписавшейся в новую систему мироэкономических связей, а потому стагнирующей). Однако они интегрируются в мировую систему в качестве ее периферии. Буржуазное развитие оказывается подчинено совершенно иной логике, нежели на Западе. Экономический рост и развитие рынка приводят не к раскрепощению народа, а к его закрепощению, буржуазия растет количественно, но одновременно деградирует ее деловая культура. В итоге Россия из «нормальной» европейской страны со своими особенностями превращается в «отсталое» общество, отчаянно пытающееся модернизировать себя, догоняя Запад и постоянно опаздывающее.

В отличие от «центра», представляющего более или менее чистый образец буржуазных отношений, «периферия» формирует свою собственную модель капитализма [В рамках школы миросистемного анализа развернулась дискуссия о «чистом» или «не чистом» капитализме. Если Роза Люксембург и большинство более поздних представителей этого направления подчеркивали наличие «некапиталистических» элементов в рамках миросистемы, то Иммануил Валлерстайн, напротив, призывает считать все эти отношения буржуазными на том основании, что они «вписаны» в капитализм. Подобный подход не позволяет видеть реальное

противоречие системы, которая, с одной стороны, выигрывает от возможности использования несвободного труда и других «дешевых» методов эксплуатации людей и ресурсов, но, с другой стороны, эти отношения оказываются тормозом развития для периферийных стран, ставя местную буржуазию в заведомо двусмысленное и слабое положение (что и обнаружилось в ходе великих революций XX века)]. Для этого капитализма характерно высокое, порой даже гипертрофированное, развитие рыночных связей при низком развитии буржуазных отношений непосредственно на производстве. Зерно, произведенное крепостными крестьянами Воронежской губернии, на мировом рынке продавалось точно так же, как и продукция свободных фермеров. Но сама деревня живет отнюдь не по законам буржуазного общества. Рынок труда отсутствует. Итогом такого положения дел оказывается неспособность общества к инновациям (порой при огромном творческом потенциале), технологическая отсталость и зависимость от Запада, хроническая нехватка капиталов в промышленности, несмотря на изобилие сырья и рабочих рук, неспособность местной буржуазии самостоятельно превратить свои порой огромные средства в эффективные инвестиции. Деловой мир постоянно испытывает острую потребность в помощи государства или иностранных партнеров.

Россия никогда не была страной, изолированной от мира. Как бы ни тужились ревнители православного благочестия в XVII веке оградить страну от иноземного влияния, именно в это время экономические связи Московского царства с Западом поднялись на качественно новый уровень. В докапиталистическую эпоху торговля представляла собой обмен излишками между общинами или регионами. По мере развития буржуазного рынка торговля превращается в способ интеграции страны в миросистему, а производство, ранее обслуживавшее местные потребности, теперь подчинено внешнему спросу. Производство для рынка означает реорганизацию всей системы социальных связей в общине, даже если сама по себе община остается отнюдь не буржуазной. Торговля оказывается способом подчинения некапиталистического (по своей внутренней организации) производства логике капиталистического накопления.

В исторической концепции Покровского важное место занимает концепция торгового капитализма. Это ранняя форма буржуазного предпринимательства, развивающаяся в эпоху Великих географических открытий, все еще ограничена технологическими рамками традиционных технологий. Лишь индустриальная революция откроет перед капитализмом перспективы массового производства. Однако уже в XVI-XVII веках перевозка грузов требует централизации, высокого уровня управления и крупных инвестиций. Один корабль вмещает продукцию множества кустарных мастерских или крестьянских хозяйств.

В Западной Европе налаживается мануфактурное производство, но на периферии, откуда поступает прежде всего сырье, ситуация складывается иначе. Для эксплуатации мелкого производителя торговому капиталу оказывается необходим союз с крупным землевладельцем и сословным государством. С помощью насилия мелкого производителя подчиняют логике капиталистического накопления, включают в новое разделение труда. Показательно, что самому Покровскому не до конца ясно, почему подобный союз, который в той или иной форме наблюдается и на Западе, там оказывается недолговечным, тогда как в России удерживается практически до XX века. Ответом на этот вопрос является сравнение производственных задач «центра» и «периферии» в рамках складывающегося разделения труда. Мануфактурное производство сразу же показывает себя эффективным в обрабатывающей промышленности,

тогда как в сырьевых и аграрных отраслях выгоднее сделать ставку на принуждение.

В результате интеграция России в мировую экономику сопровождается не ослаблением самодержавия, а его укреплением, не переходом к буржуазному земледелию, а усилением крепостничества. «В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом» . Именно этим объясняет Покровский хорошо известные примеры бесправия аристократии и дворянства перед лицом самодержца в XVIII веке, когда представителей привилегированного сословия не только гнали на войну и заставляли служить в правительственных учреждениях, но даже секли розгами. Разумеется, в тезисе Покровского есть некоторая полемическая заостренность. В конце концов, дворянство имело собственные интересы и способно было в том же XVIII столетии защитить их, устраивая государственные перевороты, в итоге которых оно таки добилось для себя «вольности». И все же значение торгового капитала и общемировых экономических процессов в русской истории невозможно переоценить.

Легко обнаружить, насколько каждая новая фаза в развитии европейской, а потом и глобальной экономики совпадала с переломными для России событиями. Это далеко не случайность. Великие преобразования XVI-XVII веков в Европе оборачиваются для Московского царства репрессиями Ивана Грозного и Смутным временем. Экономический бум XVIII столетия оказывается «золотым веком» дворянской России, эпохой величия и просвещения, основанного, впрочем, на безжалостной эксплуатации крестьян. В 60-70-е годы XIX века происходит новое революционное преобразование миросистемы. В России начинается «эра реформ». Кризис мирового капитализма в 1914-1918 годах оборачивается не только мировой войной, но и русской революцией, а Великая депрессия 1929-1932 годов сопровождается сталинской коллективизацией и т. д.

Сравнивая Россию с Англией, Покровский видит в Британской империи «счастливое» сочетание промышленного капитализма в метрополии и торгового капитализма, который «переместился в колонии» [[21] Покровский М.Н. Очерки по истории... С. 8.]. Эту идиллию нарушила лишь революция и война за независимость в Северной Америке. Напротив, в России между двумя типами капитализма постоянно возникал конфликт, который заканчивался, как правило, не в пользу промышленного. Легко заметить, что в данном случае Покровский формулирует одно из главных различий между развитием капитализма в «центре» и на «периферии». Одно из главных преимуществ «центра» всегда состояло именно в способности разрешать свои противоречия, вынося их «вовне» – то есть на «периферию». То, что Покровский воспринимает как «английское своеобразие», на самом деле является общей исторической закономерностью.

Международное разделение труда и развитие миросистемы предполагают постепенный переход от торговли к производству. При этом, как показал еще Маркс, торговый капитал перестает быть самодостаточным, он начинает обслуживать накопление промышленного капитала.

Именно в этом превращении торгового капитала в производственный, а не в грабежах и насилиях суть описанного Марксом первоначального накопления. Неудивительно, что торговый капитал перемещается в колонии и зависимые страны, выкачивая оттуда ресурсы, создавая там новые рынки сбыта для промышленности. Центр все время требует от периферии новых

ресурсов, новой продукции, все более сложной. Развитие периферии создает дополнительные возможности для ее эксплуатации, в том числе и финансовыми методами. Формирование мирового рынка капитала нуждается в развитии буржуазных структур в «отсталых» странах именно потому, что в противном случае возможности эксплуатации этих стран остаются крайне ограниченными. Националисты в отсталых странах, провозгласив лозунг модернизации, были уверены, что бросают вызов Западу. На самом деле модернизация «периферии» всегда была требованием Запада, его важнейшей целью. Другое дело, что эта модернизация должна была подчиняться глобальной логике накопления капитала.

Отношения «центра» и «периферии» видоизменяются с каждым циклом капиталистического развития.

КОНДРАТЬЕВСКИЕ ЦИКЛЫ

В середине 20-х годов XX века великий русский экономист Н.Д. Кондратьев, изучив статистические данные начиная с конца XVIII столетия, пришел к выводу о существовании «больших циклов» в развитии капитализма. Циклы эти неравномерны по времени и занимают обычно по 40-60 лет, но они воспроизводят одну и ту же динамику. Сначала наблюдается «повышательная волна» (производство, цены и прибыли устойчиво растут, кризисы оказываются неглубокими, а депрессии непродолжительными). Затем наступает «понижательная волна». Рост экономики неустойчив, кризисы становятся более частыми, депрессии затяжными [Среди марксистов теория Кондратьева нашла как горячих поклонников, так и категорических противников. Советские экономисты 20-х годов XX века в большинстве своем встретили ее в штыки, причем немалую роль в данном случае играло народническое прошлое Кондратьева, который, как и другой выдающийся экономист того времени, А.В. Чаянов, не мог считаться идеологически и методологически вполне «своим». В западном марксизме, напротив, теория «длинных волн» нашла поддержку. Она повлияла на концепции Иммануила Валлерстайна и Эрнеста Манделя. В Советском Союзе Кондратьев, погибший во время сталинских репрессий, был реабилитирован в середине 80-х годов XX века. Призывая коллег взять на вооружение теорию «длинных волн», известный советский экономист Станислав Меньшиков отмечал, что «корни теоретических положений Кондратьева о длинных волнах лежат в марксизме»[[22] Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения, 1989. С. 23.] С этим можно согласиться лишь частично. Выводы Кондратьева построены на обобщении эмпирического материала, что вполне возможно и без помощи марксизма. Иное дело, что объяснение природы длинных волн, действительно, требует обращения к марксистскому теоретическому арсеналу].

Первый изученный Кондратьевым цикл начался в конце 80-х годов XVIII века вместе с промышленной революцией и завершился по окончании наполеоновских войн. После 1817 года в Европе наступает ухудшение конъюнктуры, экономическая депрессия сочетается с политической реакцией. Однако в 1844-1851 годах наступает перелом, сопровождающийся ростом революционного движения и всплеском вооруженных конфликтов. Окончательно новый экономический подъем оформляется к концу 50-х годов XIX века, после Крымской войны и последовавшего за ней промышленного кризиса. «Повышательная волна» продолжается до начала 70-х. Затем следует очередная эпоха экономических трудностей, завершающаяся к 90-м

годам XIX века. Подъем, обозначившийся в конце XIX столетия, оказался недолговечен. С 1914 года явно проступают признаки нового спада. Уже в начале 20-х годов кондратьевские данные свидетельствуют о приближении большой депрессии, которая и обрушилась на мир в 1929-1932 годах.

Обнаружив длинные циклы в мировой экономике, Кондратьев не смог четко объяснить, с чем они связаны. Наличие подобных волн развития – статистический факт, который становится лишь очевиднее по мере того, как в научный оборот попадают новые данные. Но что заставляет периоды относительного «подъема» сменяться столь же длительными периодами «застоя»?

Попытки механически предсказывать наступление очередной «кондратьевской волны» на основе хронологии неизменно приводили к анекдотическим результатам. Прогнозирование длинных волн современными экономистами порой напоминает астрологические «исследования» [Даже если предположить, что все люди, родившиеся в определенный период времени, имеют между собой нечто сходное, мы все равно оказываемся не в состоянии ни объяснить это сходство, ни понять их будущее. Ссылка же на «влияние звезд» лишь выдает наше бессилие. Точно так же несостоятельна и попытка Андре Гундера Франка найти кондратьевские циклы в древней истории. Экономика Древнего Египта или Китая была, бесспорно, циклична, но смысл этих циклов объяснять надо не по Кондратьеву, а в соответствии с воззрениями библейского Иосифа: аграрное производство зависело от природных, климатических циклов, которые обрушивались на общество как бы «извне», в виде наводнений, засух, перенаселения, истощения почв и других бедствий, обобщенных в гениальном образе «тощих коров». Напротив, кондратьевские циклы предопределены внутренней логикой капиталистического развития, исчерпанием потенциала доминирующей технологической модели, пределами развития рынка и перенакоплением капитала. Мало того, что кондратьевские циклы оказываются неравномерны по времени (тем самым делая совершенно бессмысленными «хронологические» предсказания), но, что особенно важно, сам Кондратьев видел, насколько переход от одного цикла к другому оказывается сопряжен с потрясениями].

Главное в кондратьевских циклах не сроки, а фазы. Это история формирования, развития, а затем разложения сменяющих друг друга моделей капитализма. Именно поэтому любое прогнозирование циклов, основанное на хронологии, совершенно бессмысленно. Важно, в каком состоянии находится сама мировая система, а не то, «какое нынче тысячелетие на дворе».

Сам Кондратьев не пытался ничего предсказывать, он лишь обобщал факты. «Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются (в той или иной комбинации) в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым, в свою очередь, предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни» .

По мнению Кондратьева, капитализм периодически проходит «реконструкцию». Меняется не только оборудование. Появляются новые действующие лица, меняется соотношение сил между игроками. Кондратьев объясняет подобные «реконструкции» капитализма необходимостью замены изношенного оборудования машинами нового поколения. Действительно, каждый

кондратьевский цикл, так или иначе, связан с обновлением технологий. Однако нередко несколько поколений оборудования менялось в рамках одного цикла, и даже одной его фазы. Иное дело – технологический переворот, когда сменяется не просто оборудование, но вся производственная модель. Такие перевороты действительно сопровождают начало каждого нового цикла.

Но с чем связана смена технологической модели? Речь в данном случае идет не просто о необходимости замены старых машин новыми, но о том, что рыночный потенциал старой технологической модели оказывается исчерпан. Обновление основ производства, массовое внедрение нового оборудования не может не затронуть и социальную жизнь. Эффективное использование изменившихся производительных сил оказывается невозможно без перемен в самом обществе. Потому «реконструкции» не могут быть чисто техническими. Они затрагивают общественный порядок, политическую жизнь, взаимоотношения между странами.

Новые технологии не только создают новые производства и меняют старые, но зачастую порождают и новые рынки. Еще Маркс отметил, что по мере развития и усложнения технической базы капиталистической экономики наблюдается тенденция нормы прибыли к понижению. Каждое новое поколение машин дороже предыдущего, расходы на их амортизацию увеличиваются, требуются более квалифицированные рабочие, а конкуренция заставляет снижать цены. В итоге норма прибыли неуклонно снижается.

«Хотя Маркс прямо и не говорил о длинных циклах, – отмечает известный советский экономист Станислав Меньшиков, – но он подготовил основу для выделения в динамике капиталистического развития колебаний, отличных от среднесрочного экономического цикла, и указал на возможную их материальную основу» [[25] Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Указ. соч. С. 24.]. Именно отмеченное автором «Капитала» понижение нормы прибыли оказывается ключом к пониманию длинных волн. На протяжении XX века экономисты постоянно спорили об этом тезисе Маркса, то приводя эмпирические данные, опровергающие автора «Капитала», то, напротив, статистически доказывая его правоту. Марксисты также отмечали, что именно снижающаяся норма прибыли толкает капиталистов на путь внешней экспансии (захват новых рынков, вооруженные конфликты и т.д.). Однако в большинстве случаев как-то упускалось из виду, что отмеченная Марксом тенденция относится к экономике с более или менее устойчивой отраслевой структурой.

«Могут утверждать, – пишет Меньшиков, – что у Маркса нет завершенной теоретической модели, которая бы объясняла взаимодействие технического прогресса и нормы прибыли. Быть может, это и так, но Маркс, как минимум, предложил несколько важнейших элементов такой теории. Их мог использовать Кондратьев уже в 20-х годах» [[26] Там же. С. 33.]. Как только анализ автора «Капитала» применяется к технологически изменчивой системе, все становится на свои места.

Всякий раз, когда возникает новая отрасль экономики, норма прибыли в ней оказывается невообразимо высокой (в значительной мере создавая иллюзию бурного и устойчивого роста). Именно поэтому на первых этапах технологические новации, революционизируя производство, не только не приводят к социальным и экономическим преобразованиям, но, напротив, стабилизируют сложившуюся систему господства, укрепляют позиции консервативных сил,

демонстрируя, что экономический и социальный порядок эффективно работает. На самом деле технологические и прочие новации используются господствующими классами паразитически. Очень многие научные открытия и изобретения относятся к эпохам политической и культурной реакции. Однако довольно быстро норма прибыли начинает снижаться и в новых отраслях, причем даже быстрее, чем в традиционных. Это не значит, будто технологии перестают развиваться, но их развитие уже не создает качественно новых рынков. Исчерпание технологической модели порождает эффект перенакопления капитала. Именно в этот момент наступает кризис господствующего порядка – экономического, политического и социального. Итогом кризиса оказывается новая модель общества, действительно способная эффективно использовать накопленный технологический потенциал. Общество, по выражению Меньшикова, «меняет кожу» [[27] Меньшиков С.М., Клименко ПЛ. Указ. соч. С. 24.].

Освоение новых рынков похоже на распахивание целины, когда без большого количества удобрений и усилий несколько лет можно снимать превосходный урожай. В моменты технологического переворота новые рынки возникают и по мере появления в продаже новых, ранее невиданных товаров. Но на следующем этапе повысить норму прибыли можно, лишь вовлекая в оборот капитализма новые территории, новые сферы жизни и новые массы людей. Именно поэтому, как обнаружил Кондратьев, для капитализма оказалось принципиально важным втягивание в мировой рынок все большего числа стран, «расширение его орбиты» [[28] Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 200.].

В этом смысле колониализм является для капитализма естественным спутником. Поразительным образом колониальная экспансия то затухает, то возобновляется вновь. После завоеваний XVI – начала XVII века Запад как будто сделал паузу, затем колонизация возобновилась в XVIII столетии, чтобы снова замереть к началу следующего века. Конец XIX столетия оборачивается «конкуренцией завоеваний» и «разделом мира». После деколонизации 50-60-х годов XX века кажется, что подобные порядки навечно ушли в прошлое. Но рубеж XX и XXI веков оказывается временем новых колониальных войн – если не по названию, то по сути. Подобное повторение, как показал Кондратьев, не случайно: «Совершенно ясно, что при капитализме вовлечение в оборот новых территорий исторически происходит именно в периоды обострения нужды стран старой культуры в новых рынках сбыта и сырья» [[29] Там же. С. 211.].

Говоря о периодических реконструкциях капитализма, Кондратьев замечает, что их предпосылкой «является концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров» [[30] Там же. С. 219.]. На географическом уровне это автоматически вызывает перераспределение ресурсов между странами. В миросистеме усиливается давление «центра» на «периферию». Когда же очередная «реконструкция» в основном завершена, наблюдается, наоборот, «обилие «свободного» капитала и, следовательно, дешевизна его» [[31] Там же.]. Кризис перенакопления разрешается за счет того, что свободные средства перемещаются на периферию системы (создавая там иллюзию успешного развития). Возникает впечатление, будто благодаря свободной игре рыночных сил периферия, или хотя бы ее наиболее передовая часть, вот-вот догонит Запад. Но, увы, длится подобное счастье недолго, ибо подходит время очередной «реконструкции» и капитал начинает двигаться в противоположном направлении. Каждая большая «реконструкция капитализма» оборачивалась поражением, а то и катастрофой для периферии.

Капитализм цикличен в принципе, поскольку в этой системе и производство и потребление подчинены логике товарного обмена. Другое дело, что краткосрочные рыночные, конъюнктурные циклы, хорошо изученные экономистами уже в XIX веке, накладываются на гораздо более сложные и масштабные процессы социального, экономического и технологического развития. Точно так же и средние циклы, по выражению Кондратьева, «как бы нанизываются на волны больших циклов» [[32] Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 207.].

Маркс писал о том, что развитие производительных сил общества требует периодического пересмотра производственных отношений. На протяжении истории технологическая основа капитализма менялась неоднократно. Паровая машина вытеснила мануфактуры, основанные на ручном труде, и водяные мельницы, электричество революционизировало промышленность на рубеже XIX и XX веков. Новая технологическая революция произошла в первой четверти XX века. Автомобили, конвейерная сборка, телефон и коммерческая авиация создали новую экономику. Возникшая в итоге модель получила позднее название «фордизма». Технологическая революция конца XX века была лишь еще одним этапом в этом процессе.

Между тем, каждое радикальное изменение технологии завершается сменой экономической, а порой и социально-политической модели капитализма. Эти процессы неизбежно накладываются на «обычные» рыночные циклы. Речь идет не только о «длинных волнах» экономического подъема и упадка, но и о чередовании периодов, когда капитал стремительно интернационализируется, с периодами «национального развития». Фазы господства финансового и торгового капитала сменяются фазами, когда доминирует промышленный. Периоды свободного рынка и сменяются эпохами государственного вмешательства.

Консервативные политические эпохи нередко сопровождаются бурным технологическим развитием, но, как правило, перемены затрагивают коммуникации, транспорт, связь и торговлю куда более, нежели производство. В это время финансовый и торговый капитал преобладает над промышленным, а глобальная экономика оказывается важнее национального рынка. Фазы «глобализации» и «локализации» отражают эту динамику: торговля и финансы всегда стремятся к максимальному расширению. Границы лишь сдерживают их. Но производство всегда локально. Рабочая сила должна воспроизводиться, людям надо где-то жить, они не могут находиться в постоянном движении. А мировая торговля не может расширяться бесконечно, тем более на фоне упадка внутреннего рынка. Государство приходит на выручку предпринимателям, гарантируя «защиту национальных интересов» и «социальную ответственность». Вопреки либеральной мифологии, именно на эти периоды приходится наиболее устойчивый экономический рост. Вольная торговля пиратской поры сменилась меркантилизмом, потом новой вакханалией свободного рынка, за которой неминуемо следовал очередной приступ протекционизма, и т. д.

Циклы спада и подъема совпадают с периодами революций и реакции. Кондратьев обнаружил, что «на периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество важнейших социальных потрясений, как революционных, так и военных» [[33] Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 205.]. Ограничившись констатацией этого «эмпирического факта», великий экономист не стал подробно объяснять выявленную им

закономерность. Однако ясно, что дело тут отнюдь не в простом совпадении. Описанные им циклы – не автоматический механизм, не «естественный» процесс, происходящий сам собой с такой же последовательностью и неизбежностью, как чередование времен года. Именно поэтому начало нового этапа всегда так трудно предсказывать. Для того чтобы начался новый цикл роста, общество должно радикально измениться. Революции и реформы как раз и создают новую модель, на основе которой разворачивается экономический подъем. Исчерпание этой модели приводит экономику в фазу упадка, из которой оно выбирается, лишь пройдя через череду кризисов – к новым революциям и реформам.

Все это происходит в рамках капитализма. Но уже Великая Французская революция, с ее плебейской яростью, показала, что каждое такое потрясение чревато крушением всего капиталистического порядка. Революция выступает для капитализма механизмом модернизации, но она же представляет для него смертельную угрозу. Парижская Коммуна 1870 года продемонстрировала это еще явственнее, а 1917 год в России привел к первому, пусть и неудачному, социалистическому эксперименту.

РУССКАЯ СУДЬБА

То, что «длинные волны» капиталистического развития были впервые проанализированы именно в России, далеко не случайно. Достаточно сопоставить даты ключевых исторических событий отечественной истории с циклами мирового хозяйства, чтобы заметить совпадения. Это относится и к опричнине Ивана Грозного, и к Смутному времени, и к крепостному праву, и к крестьянской реформе, революции 1917-го, коллективизации, демонтажу Советского Союза и великой приватизации 90-х годов. Россия на протяжении XVII-XX веков постоянно догоняла Запад, постоянно опаздывала, и ее буквально захлестывало каждой новой экономической волной. Исторический анализ Покровского и экономические исследования Кондратьева не только порождены одной и той же страной и эпохой. Вместе они дают ключ к объяснению основных драм и трагедий русской истории.

«Длинные волны» мирового развития задали ритм социальных и политических перемен в России не в меньшей мере, чем в других частях мира. Только здесь все было еще драматичнее, порой – страшнее. Крутые повороты мировой истории оборачивались здесь грандиозными потрясениями. «Все там безгранично – страдания и воздаяния, и жертвы, и чаяния...» – писал французский путешественник маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году. «Страсти русских выкроены по мерке древних народов; все у них напоминает Ветхий завет: их чаяния, их муки велики, как их государство» [[34] Записки о России маркиза де Кюстина. М., 1990. С. 127.]. Эта страна показалась ему страшной, несчастной и великой, способной на невероятные достижения, которые, однако, будут куплены ценой народного счастья.

То, что поражало французского маркиза в XIX веке, было лишь прелюдией действительно грандиозных потрясений, наступивших в следующем столетии. Но ни катастрофы, переживаемые Россией, ни героические подвиги, здесь совершаемые, не были результатом какой-то особой, исключительной судьбы.

Драматизм русской истории именно в том, что здесь в крайней и трагической форме проявилось

то, что происходило со всем человечеством. В этом смысле никакой особой «русской судьбы» нет и быть не может. Наша судьба – это судьба человечества.

Глава I СТРАНА ГОРОДОВ

Русь возникла позднее большинства европейских стран. И появилась она при довольно специфических обстоятельствах.

Русь родилась на «пути из варяг в греки». В Средние века путешествие по воде было и быстрее, и безопаснее. Корабли могли перевезти больше грузов, нежели конные повозки. Дороги были в ужасном состоянии, а кое-где их просто не было. К тому же путешествие по суше было небезопасно – морские штормы являлись не такой серьезной угрозой, как лесные разбойники, полудикие племена и феодальные дружины, постоянно готовые поживиться чужим добром.

Античный мир сложился вокруг Средиземного моря. Периферией средиземноморской экономики стало Черное море и непосредственно прилегающая к средиземноморским странам часть Атлантики. Археологические данные свидетельствуют о том, что уже в античные времена между населением Прибалтики и Причерноморья существовали контакты, которые осуществлялись главным образом по речным путям. Именно так в Римскую империю попадал балтийский янтарь, пользовавшийся там (как и все экзотическое) изрядным спросом [[35] См. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур, Знак, 2007. С. 56.]].

В VII-X веках торговое мореплавание распространилось на Балтику. На юге до времен Крестовых походов продолжали господствовать византийцы, греки. На севере возникающая балтийская экономика была детищем викингов, или, как их называли на Руси, варягов.

Русь оказалась связующим звеном между двумя мирами-экономиками. Торговый корабль мог подняться из Черного моря вверх по течению Днепра. Мешали, конечно, днепровские пороги, но их довольно легко научились преодолевать. Дальше можно было вниз по течению северных рек спуститься в Балтику. Лишь небольшое пространство, располагавшееся посередине, не было приспособлено для транзитного пути – здесь корабли приходилось тащить по суше волоком, о чем до сих пор напоминает название Волоколамска (первоначально Волок Ламский).

Наряду с «путем из варяг в греки» существовал и волжский торговый путь. Купеческие караваны с персидскими товарами поднимались из Каспийского моря вверх по Волге, а затем двигались вверх по ее притокам. В Новгородской земле эти два пути сходились. Персидские и византийские товары поступали оттуда в Северную Европу [Любопытно, что русские историки, опирающиеся, прежде всего, на данные летописей, придают основное значение именно торговле с Византией. Западные авторы, базирующиеся на русских источниках, также убеждены, что вся торговля велась с Константинополем, тогда как «связи с Востоком были спорадическими и изолированными»][36a] MacKenzie D., Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. 4th edition. Belmont, CA, 1993. P. 43.] В то же время скандинавские исследователи,

базирующиеся на археологических данных, приходят к прямо противоположному выводу, что торговля Руси «велась с мусульманами в большей мере, чем с византийцами» Дело в том, что византийские монеты в скандинавских кладах очень редки, а арабские многочисленны. Большое количество арабских монет обнаруживается и в русских кладах той же эпохи. На самом деле, очевидно, что «арабское» и «греческое» направления торговли были взаимодополняющими].

В 862 году, согласно летописным свидетельствам, новгородская аристократия приглашает варяжского князя Рюрика с братьями Синеусом и Трувором на престол со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». Как говорит Карамзин, «слова простые, краткие и сильные!» Короче говоря, варягам предлагают создать государство на Руси.

На протяжении второй половины XIX и всего XX века русские историки постоянно спорили по поводу «призвания варягов»; сторонники «норманнской теории» объясняли зарождение государственности влиянием западных соседей, а славянофилы и позднее официальные советские историки не только отвергали это влияние, но и пытались доказать, что Рюрика вообще не существовало. А если Рюрик и был, то уж Синеус и Трувор – точно вымысел, ошибка переписчика, неправильный перевод какого-то скандинавского изречения [Методологической проблемой антинорманистской традиции в русской историографии был не сам факт упоминания Рюрика и других варягов в летописях, а то, что отсутствовал какой-либо критерий или принцип критики летописных сведений, кроме, разумеется, идеологического. Иными словами, если те или иные фрагменты летописи объявляются недостоверными просто на основании субъективных оценок историка, то с таким же успехом можно подвергнуть сомнению и любой другой фрагмент, в том числе и принципиально важный для формирования патриотической легенды. Что, собственно, и делали наиболее рьяные западники в конце XX века. С другой стороны, антинорманистам к концу XX века надо было что-то делать не только с летописными свидетельствами, но и с возрастающим количеством археологического материала, который эти свидетельства подтверждали. Не удивительно, что в рамках самой антинорманистской традиции возникли «ревизионистские» тенденции, призванные примирить идеологические установки с противоречащими им фактами. Наиболее ярким примером такого подхода является книга в.в.Фомина «Варяги и варяжская Русь», где признается факт «призвания», но отрицается скандинавское происхождение Рюрика и его команды. По мнению Фомина, «летописные варяги – выходцы с берегов Южной Балтии»[[37] Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: «Русская панорама», 2005. С. 439.] По всей видимости, происхождение Рюрика от предков нынешних латышей и литовцев все же менее обидно для национального самосознания, чем родственные связи со шведами и датчанами. Проблема в том, что если уж новгородским купцам потребовалось в IX веке звать к себе иноземную дружину, то для этого не было необходимости обращаться к «варварам» из Южной Балтии, ибо у них уже были к тому времени налаженные отношения со стремительно развивающимися скандинавскими обществами, существовавшими в экономическом симбиозе со славянскими торговыми факториями]. Несмотря на ожесточенность, дискуссия эта не имела никакого смысла. Ибо проблема не в том, какова была роль варягов, сколько их было, были ли они просто наемниками или пришли в Новгород в качестве военно-политической элиты. Проблема в том, почему именно в 60-е годы IX века новгородские лидеры вдруг неожиданно захотели наводить на своей земле «порядок», а уже в 882 году князь Олег, захватив Киев, создал

государство, получившее название Русь.

Несколько столетий славянские и угро-финские племена существовали на территории нынешней Русской равнины и как-то обходились без государства. В IX веке вдруг ситуация резко меняется, и за 20 лет образуется мощная держава от Балтики до Черного моря, объединяющая под единой властью множество племен самого разного происхождения. Причем, держава эта оказывается на удивление стабильна и сохраняет относительную целостность по крайней мере до начала XII века – значительно дольше, чем, например, империя Карла Великого.

Потребность в государстве возникла стремительно, но не случайно. И вызвана она была отнюдь не только внутренним развитием Новгорода. Решающее значение имело другое. В IX-X столетиях в Европе заканчиваются «темные века». Запад вступает в эпоху экономического роста. Натуральное хозяйство начинает сдавать свои позиции, развивается товарная экономика. Это время первой географической и политико-экономической экспансии христианской Европы. Всего таких периодов на протяжении Средних веков было три: IX-X века, когда европейский мир резко расширяется на северо-восток, вбирая в себя Скандинавию и большую часть Восточной Европы; XII-XIII века – время Крестовых походов, строительства городов и замков, а также второй балтийской экспансии, когда на северо-востоке христианизуются и покоряются последние языческие племена – угро-финские, славянские и балтийские; наконец, XV-XVI века, время Великих географических открытий. Каждая из этих эпох оказалась переломной для истории России. Более того: она изменила характер, национальный состав и даже географию русского государства.

ВРЕМЯ НАВОДИТЬ ПОРЯДОК

Еще выдающийся историк С.М. Соловьев заметил, что невозможно объяснить развитие древнерусской торговли на основе экономических процессов, происходивших в самих славянских общинах. «Повсеместная почти одинаковость произведений в стране, обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мене: что могли выменивать друг у друга поляне и северяне, древляне и дреговичи, кривичи и радимичи? Образ жизни их был одинаков, одинаковые занятия, одинаковые потребности, одинаковые средства к их удовлетворению: у древлян был хлеб, мед, воск, звериные кожи; то же было у полян и других племен» [[38] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. С. 240-241.]. По мнению Соловьева, торговля появляется лишь с приходом варягов, особенно с появлением княжеской дружины. Однако на самом деле дружина тоже опиралась на натуральное хозяйство. Она не покупала необходимые ей продукты, а «кормилась», собирала дань или попросту грабила аграрные общины (одновременно обеспечивая им защиту от набегов других таких же точно шаек). Феодальная вотчина, отмечает М. Покровский, даже в XIV-XV веках все еще была «самодовлеющим целым», мало связанным с внешним миром [Вопрос о значении торговли в Киевской Руси был темой острых исторических дискуссий. Если Ключевский придавал ей принципиальное значение, то в советское время принято было подчеркивать аграрный характер древнерусской экономики. При этом показательно, что для советских авторов было важно продемонстрировать схожесть Руси и Западной Европы и тем самым лишний раз доказать единство исторического процесса. На самом деле вопрос состоит не в том, насколько массовым было распространение сельского хозяйства в Киевской Руси (нет сомнения, что именно земля кормила большинство населения),

а в том, насколько было велико значение торговли и земледелия для образования государства. Средневековое земледелие само по себе просто не могло производить прибавочный продукт в таком количестве, чтобы поддерживать в течение длительного времени существование богатых городов и мощной киевской государственности. Показательно, что Б.Д. Греков, ведущий советский исследователь киевского периода, полемизируя с Ключевским, не отрицает значения торговли, он лишь доказывает – вполне убедительно, – что на Руси имелось достаточно развитое земледелие и скотоводство. При этом, однако, Греков признает, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе» [[39а] Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л.: ГИПЛ, 1953. С. 54.] Американские историки МакКензи и Каррен также замечают, что «основная часть населения занималась сельским хозяйством», тогда как торговля была жизненно важна для «князей и их окружения» [[39б] MacKenzie D., Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. P. 47.]]. Что же говорить о периоде IX-X веков?

Официальные советские историки нередко рассматривали Киевскую Русь прежде всего как аграрное общество, доказывая, что Русь представляла собой «могучий земледельческий заслон, приостановивший беспрепятственное проникновение кочевых орд с востока на запад» [[40] Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 5.]. В таких трудах Киевское государство предстает своего рода «границей», за которой кончается всякая «цивилизация» – подобной американскому Дикому Западу XIX века. Не говоря уже о некотором расистском привкусе, недостатком подобных теорий является то, что они не соответствуют фактам. Во-первых, получается, что к востоку от Днепра люди вообще не знали земледелия. В действительности же Русь на востоке в VIII-IX веках соседствовала не с дикими кочевыми племенами, а с богатыми государствами – Хазарским каганатом и Волжской Булгарией (Болгарией), причем, на первых порах оба эти общества были гораздо более развитыми и богатыми, нежели восточные славяне или варяги [Арабские источники сообщают о волжских булгарах, что они в 922 году «официально приняли ислам, вели оседлый образ жизни, жили в городах и кроме торговли занимались еще земледелием» [[41] Ашмарин Н.И. Болгары и чувашы. Казань, 1902. С. 119.] Что касается хазар, то здесь картина несколько сложнее. Французский историк Рене Груссе пишет: «Хотя часто пишут, что они так и не перешли к оседлой жизни и ведению сельского хозяйства, они создали устойчивое государство, богатство которого базировалось на торговле с достаточно высокой культурой благодаря их связям с Византией и арабским миром».[[41а] Grousset R. The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick, 1991. P. 180.] Между тем, арабские источники свидетельствуют о переходе хазар от скотоводства к земледелию. Если ранние упоминания хазар определяют их как скотоводов, то в более поздних указывается, что население крупнейшего хазарского города Итиль уходило весной «на поля для сельскохозяйственных работ» [[42] Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 45] Вопрос, однако, не только в том, как была организована жизнь в Итиле. Невозможно создать устойчивое государство, не имеющее оседлого государства. Другое дело, что аграрное население в средневековых государствах порой не принадлежало к господствующему этносу (начиная от ранних арабских и турецких держав)].

А во-вторых, кочевники как раз неоднократно проходили через Русь в Европу. В конце IX века венгры беспрепятственно прошли мимо Киева, и затем 60 лет терроризировали западные страны, пока в 955 году германский король Отто I не разгромил их под Аугсбургом – после чего Венгрия вскоре приняла католичество и превратилась в «щит христианства», опору западного мира. В XIII веке татаро-монголы, разгромив Русь, дошли до Дуная, и остановило их не военное

сопротивление, а политические проблемы в собственном лагере.

Советские историки, в принципе, правы, связывая развитие городов с разделением труда, отделением ремесла от сельского хозяйства [[42] Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 45]. Но это относится к возникновению городов в масштабах общей истории человечества. Города Киевской Руси, ясное дело, были не первыми в мировой истории. Их бурный рост, а главное – их стремительное обогащение также не могут быть объяснены внутренними процессами, проходившими в славянских племенных общинах [Вообще показательно, что, несмотря на использование «марксистской» терминологии, большинство историков советского периода мало интересовалось вопросом о том, как функционировала экономика Киевской Руси, как было организовано производство, какие применялись технологии. У Грекова отдельного внимания заслуживает лишь организация феодальной вотчины, хотя сам же он признает, что не она была источником богатства князей и бояр. Торговля и ремесло почти не удостоиваются внимания. Культуре уделяется больше внимания, нежели технологии. Н.Я. Фроянов, подробно изучая роль князей, организацию дружины и положение крестьян, вообще ничего не пишет о купцах. Описывая средневековые города, он не касается ни торговли, ни ремесла, ограничиваясь лишь политической ролью города и его связями с деревней. И уж тем более экономическое и технологическое развитие безразлично И.Н. Данилевскому, который пишет уже в постсоветское время, а потому свободен даже от ритуальных требований «марксизма»].

Западная Европа начинает пробуждаться после «темных веков» в конце VIII века. Во Франции происходит культурный подъем, названный позднее «Каролингским возрождением».

В 800 году Карл Великий в Риме провозглашает себя императором. Его армии доходят до Моравии, вытесняя оттуда аваров. В IX-X веках наблюдается бурное политическое и экономическое развитие и на северо-востоке Европы. В 874 году возникло первое государство западных славян – Великая Моравия. К концу IX века венгры (мадьяры) создают собственное государство на Дунае, захватывая в 906 году часть земель, принадлежавших Великой Моравии, но королевство Богемия продолжает развиваться в рамках Священной Римской империи. В X веке на карте Европы появляется королевство Польша.

В IX веке начинают формироваться и скандинавские государства. Норманны не только грабят европейское побережье, но и добираются до Италии. Награбленные ценности, обогащая скандинавскую знать, стимулировали развитие мирной торговли и формирование государственных институтов. Начинает развиваться товарное хозяйство. К середине X века Дания объединяется в королевство. Государственная власть устанавливается в Норвегии и Швеции. В Византии IX-X веков тоже наблюдается серьезный экономический подъем. Таким образом, в Европе появляются одновременно две торгово-экономические зоны: наряду с традиционной средиземноморской зоной возникает новая – балтийско-североморская, объединяющая Англию и Скандинавию. Реки Русской равнины становятся невероятно важны для торговли: они соединяют эти две зоны между собой. Путь «из варяг в греки» становится важнейшим звеном возникающей новой торговой экономики. Он соединяет Европу в единое целое. По этим торговым путям с юга на север движутся не только товары, по ним же распространяются цивилизация, христианство, ремесленные технологии. Скандинавская руническая запись XI века сообщает маршрут через территорию Руси, двигаясь по которому

можно было приобщиться к истинной вере и цивилизации: «на восток и далее в Иерусалим».

Наряду с путем из Скандинавии к побережью Черного моря, через пространную равнину, ставшую позднее основой русского государства, проходили и другие торговые пути. Один шел через Каспий и Волгу на север, доставляя отсталым европейцам изделия куда более развитых стран Востока – Арабского халифата и Персии. Другой проходил по суше в Западную Европу. О последнем пути известно гораздо меньше, но найденные клады позволяют историкам сделать вывод о «достаточно древнем трансъевропейском торговом маршруте», центральным участком которого был «путь из Среднего Поднестровья в южнонемецкое Подунавье» [[44] Наздратенко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX- XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 78.]. Как видим, все эти пути встречались и пересекались на пространстве между Новгородом и Киевом.

Уже в VIII веке арабские купцы стали проникать на Волгу, а вместе с ними начался и поток серебра из Азии. Навстречу серебру устремились варяги, уже освоившиеся к тому времени в Ладогe. Водные маршруты того времени «отмечены идущими вдоль них цепочками кладов восточных монет» [[45] См. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». С. 277.].

Именно бурное развитие международной торговли породило стремительный рост городов и интенсивные связи между ними. Покровский справедливо отмечает, что это была в значительной степени «разбойничья торговля» [[46] Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 104.], а города являлись на первых порах укрепленными стоянками путешествующих между Балтикой и Черным морем купцов-разбойников, «гораздо теснее связанными с теми заграничными рынками, нежели с окрестной страной» [[47] Там же С. 119.]. Для того чтобы продукт стал товаром, его надо было изъять у непосредственного производителя. Это была либо дань, либо прямой грабеж. Продвигаясь на северо-восток, и славяне, и скандинавы начали собирать дань с местных племен. Дань эту платили главным образом мехами. Одновременно купцы-разбойники захватывали и рабов.

Меха и невольники были ходовым товаром в более развитых южных землях. Арабские авторы X века писали, что русско-скандинавские торговцы того времени были по совместительству предводителями хорошо вооруженных отрядов, достигавших порой сотен бойцов. Такие маленькие частные армии, как признают скандинавские историки, «давали возможность их предводителям собирать дань с местного населения и защитить награбленное» [[48] Sawyer Я., Sawyer P Medieval Scandinavia. From Conversion to Reformation, circa 800-1500. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1993. P. 149.].

Однако далеко не вся торговля была так милитаризована. Русские, скандинавские, а позднее и немецкие купцы были одновременно воинами, но значительную часть торговли на великом речном пути вели греки, армяне, арабы и евреи, не располагавшие военной организацией – по крайней мере, в той степени, в какой славяне и скандинавы. Причем, именно иностранные купцы привозили значительную часть звонкой монеты.

В подобных условиях государство должно было, с одной стороны, обеспечить на реках безопасность иностранных купцов от местных «лихих людей», а с другой – защитить

собственных торговых людей от разбойников и друг от друга. Неслучайно, призывая варягов, новгородская знать ссылается на бесконечные «разборки» между своими. Иными словами, варяжский князь, пришедший со стороны, был нужен не только как защитник, но и как третейский судья.

Именно сочетание торговли с разбоем диктовало насущную необходимость установления государственного порядка, без которого взаимные «разборки» вооруженных купцов могли бы просто парализовать обмен. Нужны были не просто княжеские дружины, охраняющие заморские караваны, но и суды, разбирающиеся с взаимными претензиями, и власть, способная гарантировать исполнение судебных решений.

Экспансия IX-X веков сделала необходимым создание русского государства. В русской истории нет «темных веков» просто потому, что в «темные века» не было и не могло быть русской истории. Само государство возникает как следствие торговой экспансии, начавшейся с преодолением западного варварства. Балтика становится бурно растущей торговой зоной. Варяги, еще недавно совершенно дикие, внезапно делаются потенциальными потребителями для сложных изделий, производимых в Византии и на Востоке. Торговый путь между Черным морем и Балтикой оказывается выгоден и необходим. Но его нужно поддерживать и охранять. Нужен «порядок».

До возникновения балтийского рынка судоходные реки на юге, многочисленные проточные озера на севере не имели никакой экономической и геополитической ценности. Племена, жившие на их берегах, были предоставлены сами себе. Но появление варяжской экономики все изменило. Стала не только возможна и необходима связь между богатым и развитым византийским югом и динамично развивающимся варяжским севером. Появилась потребность в том, чтобы поддерживать порядок и безопасность на всей территории огромного речного пути. Необходимо было единое государство.

В скандинавских сагах упоминается о том, как нужен был северным купцам «торговый мир», обеспечение которого зависело от князя, сидевшего в Новгороде [[49] См. Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». С. 330.]. Не случайно основателями русской государственности стали новгородцы, которые были не столько воинами, сколько купцами. Точно так же не случайно и то, что в создании русской державы самое активное участие приняли варяги. Не варяги подчиняют себе славян, не славяне объединяются, а многочисленные славянские, угро-финские и скандинавские племена и дружины, расположившиеся вдоль речного пути, соединяются государством в единое целое. Славяне, как наиболее многочисленные, доминируют. Варяги дают начало военной элите. Угро-финские племена покоряются и ассимилируются.

КИЕВ И ЕГО ВРАГИ

В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал, что государство – это организованное насилие и возникает оно тогда, когда общество разделяется на классы. Изучая Восток, Маркс отметил еще одну причину образования государства – необходимость организации и поддержания ирригационной системы на обширных

территориях. Для этого тоже требовалось принуждение – рабочую силу нужно было перемещать в соответствии с централизованным планом, – тогда как классовое деление общества могло находиться еще в зачаточной стадии. История Руси показывает, что потребность в государстве может быть порождена в такой же точно степени и необходимостью поддержания порядка на торговых путях. В этом смысле русская государственность изначально близка к «азиатской модели», но в то же время развивается она все время в тесной связи с Западной Европой.

Государство обеспечивало безопасность торговли. Дело вовсе не в этническом единстве славян. Новая держава включила в себя угро-финнов и варягов, впоследствии – греков. Объединялись не племена, а территории. На обширных пространствах, по которым проходили судоходные реки, нужна была система безопасности и единая власть. С какого-то момента контроль за территорией становится для властителей самоцелью, но это происходит лишь задним числом. На первых порах нужен был лишь порядок на пути следования купеческих караванов. «Это была торговля, регулярно организуемая государственной властью» [[50] Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 442.], – пишет историк-византист Г. Г. Литаврин. Новгородская знать знала, зачем приглашает варяжскую дружину.

Двигаясь на юг, к Киеву, новгородские торговые люди и варяжские дружины в течение поразительно короткого времени объединили огромные территории, обеспечив непрерывный поток товаров и знаний в направлении Балтики. Россия как государство родилась из транзитного пути. Описывая устройство первого русского государства, В. О. Ключевский отмечает: «Легко заметить основной экономический интерес, руководивший этой жизнью, сближавший и объединявший отдельные и разрозненные части земли: дань, шедшая киевскому князю с дружиной, питала внешнюю торговлю Руси. Этот же экономический интерес направлял и внешнюю деятельность первых киевских князей. Деятельность эта была направлена к двум главным целям: 1) к приобретению заморских рынков, 2) к расчистке и охране торговых путей, которые вели к этим рынкам» [[51] Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 167.].

Конечно, средневековая торговля была отнюдь не мирным занятием. Если в XVII веке голландцы говорили, что война и торговля всегда идут вместе, то тем более это относится к IX-X векам. Михаил Покровский замечает, что для Руси того времени было типично «сочетание войны, торговли и разбоя» [[52] Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 109.]. Ключевский также отмечает, что походы русских на Царьград (Константинополь) неизменно были связаны с коммерческими конфликтами, а мирные договоры, которыми завершались войны, были обыкновенно «торговыми трактатами».

«Такой торговый характер имеют все дошедшие до нас договоры Руси с греками X в. Из них дошли до нас два договора Олега, один Игорев и один короткий договор или только начало договора Святослава. Договоры составлялись на греческом языке и с надлежащими изменениями формы переводились на язык, понятный Руси. Читая эти договоры, легко заметить, какой интерес связывал в X в. Русь с Византией. Всего подробнее и точнее определен в них порядок ежегодных торговых сношений Руси с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе к грекам: с этой стороны договоры отличаются замечательной выработкой юридических норм, особенно международного права» [[53] Ключевский В. О. Указ. соч. С. 168.].

Бороться надо было как с разбойниками, так и с кочевниками, заселявшими степи в низовьях Днепра – Дикое Поле. Хотя печенеги, а позднее половцы нередко совершали набеги на русские города, чаще причиной походов были препятствия, которые кочевники чинили греческой торговле. Русские походы в Дикое Поле были по преимуществу карательными экспедициями, чего киевские князья и не скрывали. Объясняя дружине причину похода на половцев, в 1167 году князь Мстислав прямо говорит, что их надо наказать, они мешают торговле. «И Греческий путь изъютнимают, и Соляной, и Залозный» [[54] Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. С. 97.]. Под греческим путем имелся в виду путь из Царьграда-Константинополя, соляной путь связывал Киев с греческими колониями Крыма, а «золотный», по мнению Соловьева, «железный» путь обеспечивал доставку металлических изделий из Византии и с Ближнего Востока.

Нередко дружины киевских князей, разбив печенегов или половцев, спускались вниз по Днепру и там дожидались купеческих караванов.

Борьба со Степью, по крайней мере, до конца XII века, была для Руси успешной. Печенеги были побеждены и понемногу из грабителей превратились в торговых посредников. Не будучи сами купцами, они брали на себя, как сказали бы сегодня, «информационное посредничество» между греками и русскими. От херсонесских греков они получали торговые поручения, своего рода mail orders, которые затем, еще до начала навигации на реках, передавались русским купцам в Киеве. Поручения херсонитов, пишет советский историк Литаврин, «состояли в заказе на Руси определенных товаров по ассортименту и количеству, с тем, чтобы они были в наличии ко времени (весне?) приезда на Русь заказавшего товар купца-херсонита» [[55] Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 425.]. С небольшим преувеличением можно сказать, что греки заказывали товары через печенегов так же, как в наше время их заказывают через Интернет.

Постепенно печенеги ассимилировались с русскими. Новой угрозой русско-греческой торговле стали половцы. Но и они к началу XIII века из врагов Руси превратились в ее союзников (именно защищать половцев от нового, неизвестного еще степного народа пошло в 1223 году русское войско на реку Калку, где и было разгромлено татарами).

Многочисленные войны велись Русью и против хазар, которые в IX-X веках контролировали южную часть «пути из варяг в греки». До появления Киевской Руси хазары доминировали и в торговле. Объединение всего водного пути под единой властью требовало и устранения хазар. Сначала борьба шла с переменным успехом. Например, жившие на приграничной территории радимичи платили дань попеременно то Киеву, то хазарам. Союзниками хазар были и вятичи. Лишь в 966 году князь Святослав окончательно разгромил Хазарию, заодно покорив вятичей.

Отношение греков к русской торговле было на первых порах двойственным. С одной стороны, Константинополь нуждался в сырье, а с другой... купеческие караваны уж больно напоминали военные экспедиции. Каждую весну из Киева выходило 100-200 ладей, не только груженых товарами, но и сопровождавшихся внушительной охраной. Без военного прикрытия караваны не прошли бы днепровских порогов, где они могли стать легкой добычей кочевников. Между тем, прибывая в Херсонес или Царьград, такие караваны уже сами могли представлять угрозу для греков. А потому доступ русским в Босфор византийские власти старались ограничить, что, в

свою очередь, вызывало недовольство русских и провоцировало конфликты.

Всего известно семь русских походов на греков: в 860 или 865 году киевский правитель Аскольд предпринял первую экспедицию против Византии, чтобы отомстить за убийство там русских купцов. Князь Игорь, по утверждению русских летописцев, дважды ходил на Царьград, затем Святослав воевал в Болгарии – сперва как союзник императора, потом, в 971 году, уже как его враг. Владимир Красное Солнышко прежде, чем крестить Русь по греческому обряду, разграбил византийский город Херсонес в Крыму, а в 1043 году Ярослав, сын Владимира, организовал последний такой поход.

Большинство этих походов были чем-то средним между грабительскими набегами и карательными экспедициями, и лишь Станислав вел на Балканах настоящую затяжную войну.

Святослав воевал с хазарами, волжскими булгарами и вятичами, разгромил их и положил начало русскому княжеству в Крыму – Тмутаракани. Затем по просьбе византийского императора Никифора двинулся на Дунай, в Болгарию, как союзник греков. Союзнические отношения были оплачены изрядным количеством византийского золота. Кроме того, греки обещали оставить за Святославом Болгарию в случае, если он сможет ее завоевать. Вдобавок ко всему греческий посол Калокир заключил со Святославом личное соглашение: если Святослав поможет ему стать императором вместо Никифора, помощь будет вознаграждена несметными богатствами из императорской казны.

В 967 году дружина Святослава прибыла в Болгарию. Страна была завоевана, причем победители жесточайшим образом расправлялись с «братьями-славянами». Князь расположился жить в Переяславце на Дунае, оставив Киев без правительства. Стареющая мать Святослава – княгиня Ольга – уже не справлялась с управлением, кочевники-печенеги стояли у ворот столицы, а в самом городе росло недовольство. Киевляне послали Святославу укоризненное письмо: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся, чуть-чуть нас не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?» [[56] Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 154.]

Святославу пришлось возвращаться. Но пробыв некоторое время в Киеве, он распределил власть между своими сыновьями и отбыл на Балканы, где столкнулся с новым византийским императором – Ионном Цимисхием. Болгары не хотели пускать русских обратно в Переяславец, а греки пытались вытеснить Святослава из Болгарии. Впрочем, сам русский князь грозил захватить греческие города так же, как захватывал болгарские. Несмотря на отчаянную храбрость русской дружины, никаких шансов на победу у него не было, поскольку греки могли выставить в поле значительно больше воинов, а главное – восполнить потери Святослав не мог. Пришлось очистить Болгарию. На обратном пути он попал в засаду печенегов и был убит. Из его черепа сделали чашу, оковали золотом и пили из нее.

Неудивительно, что военные кампании Святослава вызывали среди историков острую полемику уже в XIX веке. Для Карамзина князь Святослав – это «Александр нашей древней истории». Но, в отличие от Александра Македонского, князь Святослав государства не создал и закончил полным поражением. А потому «Святослав, образец великих полководцев, не есть пример

государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка» [[57] Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 1. С. 136.]. Иными словами, Карамзину князь Святослав представляется чем-то вроде безответственного военного авантюриста, чья отвага была, в сущности, бессмысленной. Историки второй половины XIX века были еще более категоричны, заявляя, что, отправляясь на Балканы, киевский князь имел в виду «только один грабеж» [[58] Русский исторический сборник. VI, М., 1843. С. 357.]. Напротив, советские авторы доказывали, что деятельность Святослава была направлена «на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил» [[59] Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 382. См. также: Оськин Т.Н., Марычев Н.Н. Изучение боевого прошлого нашей Родины. М. Просвещение, 1971.]. Причем эти «государственные задачи» трактуются подчас совершенно в смысле геополитики XIX века – укрепить русское присутствие на Балканах, защитить братьев-славян от экспансии Византийской империи и т.д. Между делом упоминается обеспечение торговых путей, да и то, главным образом, применительно к более ранним походам на хазар.

На самом деле, никакой геополитической логики в действиях Святослава не прослеживается. Он то воюет на стороне греков против болгар, то борется против греков и болгар одновременно. То направляет свои дружины на юго-восток, то, не закончив дела, бросается на юго-запад. Однако назвать походы Святослава разбойными набегами тоже сложно. Во-первых, для грабежа не обязательно было идти на Балканы, можно было напасть на богатые греческие города в Крыму. Во-вторых, военно-политическая и дипломатическая организация походов слишком сложна для простого разбойного нападения. Разумеется, в те времена войны без грабежа не бывало. Но значит ли это, что князь не имел никаких иных целей, кроме грабежа? Ряд авторов подозревает, что и численность войска, и его успехи русскими летописцами сильно преувеличены. Тем не менее ясно, что походы тщательно готовились, причем не только в военно-техническом, но и в дипломатическом отношении. Морские действия координировались с сухопутными, боевые операции перемежались переговорами и т.д. Такого рода борьба предполагает более или менее развитое государство, где элита уже не может позволить себе жить простым грабежом.

Святослав пошел дальше других: он пытался – без большого, впрочем, успеха – сделать то, что делали и последующие русские правители на протяжении столетий. Киевский князь боролся за военно-политический контроль над торговыми путями. Местом основного противоборства с греками и болгарам было устье Дуная, соединяющее «путь из варяг в греки» с другой стремительно формирующейся европейской торговой артерией. Захватив болгарский город Переяславец, Святослав заявляет: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина Земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов» [[60] Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 154-155.]. Как справедливо замечает С.М. Соловьев, отсюда можно сделать вывод, что Переяславец «назван серединою не относительно положения своего среди владений Святослава, но как средоточие торговли».

Увы, поставленная задача эта оказалась для Руси непосильной. Святослав неправильно оценил ситуацию, сделав ставку исключительно на превосходство своей дружины и не понимая, что война – это не только сражения. Успехи на поле боя, достигнутые им в Поволжье и на Балканах, не удавалось закрепить. Более того, разгром Хазарии создал для Руси больше проблем, чем дал выгод.

СУДЬБА ХАЗАРИИ

История пишется победителями, и в этом смысле судьба Хазарии сходна с судьбой Карфагена. Мы смотрим на историю этого государства преимущественно через призму русской истории, точно так же, как на Карфаген – через призму римской. Неприязнь, с которой некоторые авторы писали о Хазарии, заставляет заподозрить, что это связано с преобладавшей в Хазарии религией – иудаизмом. Так, например, Б.А. Рыбаков настаивает на том, что государство хазар было «паразитическим», а потому подлежало уничтожению [[61] См.: Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 308.]. Известный советский исследователь М.И. Артамонов прямо признает, что в оценке хазарской истории многими авторами сквозит неприязнь к евреям [[62] См.: Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001.].

Между тем, представление о Хазарии как об иудейском государстве также не вполне верно. Среди подданных хазарского кагана были и христиане, и иудеи, и мусульмане. Между 851 и 863 годами здесь проповедовал христианство святой Кирилл – тот самый, что прославился вместе с Мефодием своей миссионерской деятельностью в Моравии и создал славянскую письменность. Кирилл был принят при дворе кагана, где неоднократно спорил о вере с местными раввинами. На территории каганата действовало православное епископство. Широкое распространение имел и ислам. Французский историк Рене Груссе считает, что иудаизм, официально принятый хазарскими каганами в конце VIII века, был, прежде всего, религией двора и хазарской аристократии. «Напротив, среди народа мусульман и христиан было больше, чем евреев» [[63] Grousset R. Op. cit. P. 181.]. В X веке один из каганов по политическим соображениям перешел в ислам, а в начале XI века Таманским полуостровом правил хазарский хан, принявший православие и греческое имя Георгий. Каганы несколько раз вступали из-за веры в конфликт с греческим и исламским миром, но по большей части торговали и с теми и с другими. Еще в 695-705 годах среди хазар скрывался от своих врагов греческий император Юстиниан II, женившийся на сестре кагана, которая стала императрицей Теодорой.

«Возведение иудаизма в государственную религию, – писал в «Истории хазар» М.И. Артамонов, – имело значение политического самоутверждения, демонстрации не только независимости, но и равенства Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом и явилось ответом на попытки с той и другой стороны подчинить хазар своим интересам. Внешнеполитически это был в высшей степени эффективный акт. Хазары выдвинули иудаизм на место третьей мировой религии, но не сумели закрепить за ним это место потому, что старый иудаизм оказался менее пригодным для феодального общества, чем более молодые религии – христианство и ислам» [Артамонов М.И. История хазар. С. 361. Сточки зрения Артамонова, именно принятие иудаизма было причиной упадка Хазарии, ибо наследственная религия «избранного народа» не могла объединить хазарское общество. «Хазарские иудеи не учли, что религия является могучим фактором социального объединения даже тогда, когда в нем не нуждается экономическая основа» (с. 624). В данном случае Артамонову самоочевидными и универсальными представляются принципы национальной консолидации, происходившей в Европе Нового времени, но не имеющие ничего общего с этнополитическим устройством средневекового Востока, где религиозное и этническое разнообразие ничуть не мешало становлению и развитию империй. Неоднородным обществом была и победившая хазар Русь.

Крах Хазарии был предопределен элементарным неравенством сил в борьбе, которую каганат принужден был вести одновременно против Киева, Византии и тюркских племен].

Принятие иудаизма правящим сословием отнюдь не требовало массового обращения в эту веру подданных. Средневековая еврейская традиция, в отличие от христианской или мусульманской, весьма сдержанно, а порой и негативно относилась к попыткам обращения иноплеменников. Наследственный характер иудейской веры превращал ее в Хазарии в своеобразную идеологию господствующего слоя, знак его отличия от прочих жителей каганата, исповедовавших другие религии.

В этническом отношении население каганата также не было однородным. Сами хазары были тюрками, но под их властью оказались обширные территории, ранее колонизованные греками. А официальное принятие иудаизма создало условия для еврейской иммиграции из Византии, особенно в X веке, когда евреи там подвергались преследованиям. Население каганата представляло собой тюрко-еврейско- греческий этнический конгломерат, точно так же как Киевская Русь объединяла на одной территории славян, варягов и финно-угорские племена. Для подобных образований характерно этническое разделение труда, при котором эллинизированное аграрное население, еврейско-мусульманские купцы и ремесленники были подчинены хазарской военной аристократии.

«Иудейская религия не вытеснила ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства, – пишет Артамонов. – Веротерпимость хазар представляется исключением из обычной в средневековье религиозной практики, но она и в Хазарии не возводилась в теорию, не была принципом внутренней политики хазарского правительства»⁶⁵. Религиозный плюрализм Хазарии, таким образом, был не только результатом параллельной миссионерской деятельности, но и следствием этнической пестроты. Однако само по себе соперничество трех религий в Хазарии показывает, что не лишен реализма и рассказ русских летописцев об аналогичном соперничестве в Киеве, когда к князю Владимиру поочередно являются проповедники христианства, ислама и иудаизма.

Победа «киевского кагана» Святослава над хазарами не означала полного уничтожения их государства. Начав войну, Святослав, как отмечает Артамонов, стремился «полностью взять в свои руки контроль над восточной торговлей, игравшей весьма важную роль в экономике Русского государства» [[66] Артамонов М.И. Указ. соч. С. 586.]. Однако киевский князь не сумел удержать под своей властью захваченные территории. «Втянувшись в трудную войну на Дунае, он должен был ослабить свое внимание к востоку, не успев закрепить власть Руси над Поволжьем. За Русью остались только Подонье да берега Керченского пролива, Волжская же Болгария и Хазария, по-видимому, недолго находились в зависимости от Руси и восстановили свою самостоятельность» [[67] Там же. С. 587.].

Между тем после походов Святослава на юго-востоке возник военно-политический вакуум. За обломки Хазарского каганата с переменным успехом боролись Русь, Хорезм и Византия. Хазарская государственность была окончательно уничтожена лишь в 1016 году совместной экспедицией русских и греков в Тамань и Крым. По этому поводу Груссе замечает, что, разрушив совместными усилиями каганат, греки и Русь «серьезно просчитались» [[68] Grousset R. Op. cit. P. 182.]. Дело в том, что именно Хазария в действительности играла роль заслона на пути кочевых

племен. Эти племена двигались на запад по степной полосе, к югу от Киева, где господствовали хазары. Упадок Хазарии начался с безуспешных попыток сдержать продвижение венгров. Разгром хазарского войска Святославом привел к тому, что печенеги почувствовали себя гораздо свободнее. Последствия этого Русь ощутила еще при Святославе – сначала печенеги, уже не сдерживаемые хазарами, беспрепятственно дошли до Киева, а затем сам Святослав погиб от их рук. Русь, разгромив Хазарию, оказалась не в состоянии установить политический контроль над всей обширной территорией, ранее подчинявшейся каганату – за исключением небольшого, но очень богатого княжества Тмутаракань, где славяно-варяжская военная аристократия пришла на место хазарской. Остальная территория стала частью Дикого Поля, по которому беспрепятственно передвигались племена кочевников. Вскоре печенегов сменили куда более опасные половцы, а в XIII веке по тому же пути пришли монголы.

ХРИСТИАНСТВО И ТОРГОВЛЯ

Походы Святослава на Балканы окончились полным поражением, но главным их результатом оказалось то, что «сферы влияния» в Причерноморье между Киевом и Константинополем были окончательно поделены. Начиная со времен князя Владимира, военно-торговая экспансия киевских князей на юг сменяется сотрудничеством с византийцами. Владимир еще совершает грабительский поход в Крым, но именно он оказывается решительным проводником греческого религиозного и политического влияния в Киеве. Русь стабилизируется. Киев отныне выступает уже не в качестве соперника, а в качестве союзника Константинополя. Конфликты между Киевом и Константинополем периодически возникают, однако сотрудничество преобладает. Русские купцы получают исключительные торговые льготы в Византии. Греческий император набирает на Руси воинов для своего войска. Из Константинополя в Киев едут ремесленники, священники, советники. «Западные волки, – удовлетворенно писал греческий автор, – так были укрощены, что обратились в послушное стадо овец. Русь стала теперь оберегать Византию от нападения зверей» [[69] Цит. по: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Ас- трель, 2002. Т. 3. С. 628.].

Христианизация Руси, начатая княгиней Ольгой и завершенная Владимиром, оказалась логическим результатом этого процесса. И на Руси, и в Скандинавии именно купцы- христиане предшествовали миссионерам. Еще до крещения Дании строительство христианских церквей было важным делом для местных королей, поскольку позволяло привлечь торговцев. Теперь, как отмечают хроники, купцы приезжали «охотно и без страха», в результате чего «было изобилие товаров всякого рода» [[70] Sawyer B., Sawyer P. Medieval Scandinavia. P. 148.]. Торговцы, возвращавшиеся из Царьграда, равно как и их греческие коллеги, распространили христианство на Руси не только до князя Владимира, но и до княгини Ольги. Первая церковь – св. Ильи – построена в Киеве в 940 году, тогда как княгиня Ольга крестилась лишь в 950-х годах. Официальное же государственное принятие православия Владимиром состоялось только в 988 году.

Начиная с середины XIX века, либеральные историки видели в принятии христианства по восточному обряду величайшее несчастье России, поскольку тем самым в религиозном отношении страна противопоставила себя Западу. На самом деле, во времена князя Владимира раскол между восточной и западной церквями не был еще полным и окончательным. Потому

крещение, пусть и по византийскому обряду, вовсе не противопоставляло Русь Западной Европе, а наоборот, сближало с ней. Что гораздо важнее, Византия во времена Ольги и Владимира была развитой и просвещенной страной, тогда как Запад еще только преодолевал «темные века». Принято считать, что летописная история о том, как посольство, отправленное Владимиром в разные страны, сравнивало исламское, католическое и православное богослужение, является домыслом позднейших летописцев. Однако даже если это так, данная история говорит о многом. Ведь русских послов поразило, прежде всего, великолепие православных храмов в Константинополе – «богатые одежды служебные, убранство алтарей, красота живописи, благоухание фимиама», тогда как у католиков обряды были «без всякого величия и красоты». Ориентируясь в культурном отношении на Византию, киевские князья получали огромное преимущество перед своими западными соседями.

ДРЕВНЕРУССКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ

Итак, если в VIII веке восточные славяне не имели ни развитого государства, ни крупных городов, то 200 лет спустя от Балтики до Черного моря простиралась мощнейшая и богатейшая держава. Она не только охватывала огромную территорию, но поражала иностранцев обилием и богатством городов. В начале IX века византийцы еще не знали Руси. А в 860 году патриарх Фотий уже говорит о русских как о народе, еще недавно неизвестном, но стремительно достигшем «блистательной высоты и несметного богатства» [[71] Цит. по:Якобсон А.И. Средневековый Крым. М.-Л.: Наука, 1964. С. 55.]. Иностранные путешественники называли Киевскую Русь «страной городов». Богатство и развитие Руси, признаваемое греками, тем более потрясало скандинавов. «По неполным данным русских летописей, – отмечают историки, – в XI в. на Руси существовало 86 городов. В XII в. летописи упоминают еще 120 городов, а ко времени монголо-татарского нашествия, т.е. к началу XIII в., количество городов доходило до 250. В действительности их было значительно больше, ибо не все города упоминались в летописях» [[72]Зворыкин Л.В., Осьмова Н.И., Чернышев В.И., Шухардин С.В. История техники. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 66.]. Советский исследователь М.Н. Тихомиров насчитал на Руси 271 город. Для сравнения, в Германии к 900 году было всего 30 городов. Даже если учесть, что данные Тихомирова относятся к более позднему периоду, контраст разительный.

Разумеется, как отмечает И.Н. Данилевский, далеко не всегда речь идет о городе в «нашем смысле слова». Ведь «городом» в IX-X веке могли называть и огражденную частоколом деревню, и княжеский замок. Но свидетельства арабских путешественников, которые, в отличие от отсталых западных людей, уже имели дело с развитой городской культурой, не оставляют сомнения в том, что уровень «урбанизации» в Киевской Руси был совершенно выдающийся. «Русы в целом представляются арабам неземледельческим народом, занимающимся лишь торговлей и военными походами», – отмечают современные исследователи [[73] Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в. Средневековые арабо-персидские источники о Руси. М., 1976. С. 15.]. По крайней мере треть народа, по мнению арабских путешественников, занимается «исключительно международной торговлей» [[74] Там же. С. 17.]. Арабский путешественник Ибн-Дауд вообще не обнаруживает на Руси деревень, ему кажется, что все живут исключительно в городах!

Если некоторые региональные центры были не более чем разросшимися княжескими

усадебными, то Киев и Новгород, бесспорно, принадлежали к числу самых блестящих городов тогдашней Европы. Не только по своим размерам, но и по уровню благоустройства. В Новгороде имелись деревянные мостовые, что резко отличало его от большинства западных городов. По свидетельству археологов, древнейшие уличные настилы датированы 953 годом, самые поздние – серединой XV века.

В Западной Европе IX-X веков денежное обращение было еще мало развито. Напротив, русские торговали с византийцами и арабами, которые платили серебром, а потому экономика Руси была гораздо более рыночной. Это признают и западные историки: «С социальной и экономической точки зрения Киевская Русь была куда более передовой страной, чем отсталая Западная Европа феодальных поместий, где рынки, ярмарки и ремесло только начинали возникать во Фландрии, на побережье Балтики и в северной Италии» [[75] Brinton C., Christopher J.B., Wolf R.L. A History of Civilization. V. 1. Prehistory to 1715. Prentice-Hall Inc., Englewood Cliffs, 1956.] [В данном случае американские авторы приписывают развитие рынка на Руси исключительно притоку византийского серебра, что, как мы видим из других источников, не вполне верно. Еще более показательным, однако, что последующий упадок Руси они, вслед за русскими историками, тоже объясняют византийским влиянием и татарским нашествием]. Здесь господствовал не натуральный обмен, а товарно-денежные отношения. В IX-X веках Русь экспортирует серебро в Скандинавию [П. Сойер, отмечая большое количество арабских монет, поступавших в земли викингов из Руси, замечает, что это не обязательно свидетельствует о торговле: монеты могли быть просто украдены. Однако это не может объяснить столь значительного потока серебра из России в период, когда больших войн между славянами и варягами не было. Ограбление торговцев было обычным делом в средневековой Европе, но еще более типичен был грабеж ради торговли, когда, например, народы Севера подвергались грабежу из-за того, что их меха можно было выгодно продать на юге. К тому же торговцы не возили с собой очень много серебра сразу. Много монет сразу можно было взять, лишь захватив город. Русские города были хорошо укреплены (Старая Ладога уже в 860 году имела каменную стену), и вообще ни русские, ни скандинавские источники не сообщают в X-XI веках о захвате варягами русских городов. Более вероятно предположение Сойера, что серебро было «жалованьем наемников» [[76] Sawyer P.H. Kings and Vikings. Methuen. N.Y., 1982. P. 113.] Таким же образом на север попадали и византийские монеты, но важно учесть, что на Руси, в отличие от Византии, варяги были не только наемниками, но и частью местной феодальной элиты. Следовательно, они получали не только оплату, но и часть военной добычи, долю от всевозможных феодальных поборов]. Прибывает это серебро главным образом не из Византии, а из восточных стран. В конце IX века на территории современного Афганистана были найдены большие залежи серебра. Саманидские шахи получили возможность чеканить значительное количество монет, что способствовало расцвету торговли не только в Средней Азии, но и на Каспии и на Волге. Исследование кладов приводит историков-нумизматов к выводу: «Европейско-арабская торговля возникает в конце VIII в. как торговля Восточной Европы со странами халифата» [[77] Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 293.]].

На Русь восточные монеты стали поступать примерно к 910 году. Саманидские диргемы стали популярны на Руси и уже оттуда поступали в скандинавские страны, что, в свою очередь, стимулировало торговлю на Балтике. В Киеве чеканились и свои монеты, но в незначительном количестве. Потребности в этом не было – деньги в изобилии поступали с юга. Чеканка

собственных монет в Киеве, видимо, диктовалась необходимостью не столько экономической, сколько политической. Нужно было показать, что киевский князь ничем не уступит своим южным соседям.

Денежное обращение Киевской Руси отражало специфику страны, находящейся, по определению современного историка, «между арабами и варягами, Западом и Константинополем». Точно так же и сложившаяся здесь система мер и весов явно демонстрирует следы «межэтнического культурного взаимодействия» [[78] Наздратенко А.В. Цит. соч. С. 113.].

Из Руси в Византию и арабские страны и к хазарам поступали воск, мед, меха, охотничьи соколы и невольники. Вообще, работорговля была важным источником дохода для «купцов-разбойников», и, как отмечает Покровский, продавали в рабство не только иноземных пленников, но и своих соплеменников, особенно девушек.

Позднее русские князья за деньги предоставляли грекам военную помощь – тоже своего рода экспорт услуг. Уже в 910 году, задолго до христианизации Руси, русское войско совершает набег на прикаспийские земли Персии, судя по всему, действуя по договоренности с греками. В том же году русская дружина высаживается на Крит в составе византийской армии. В 935 году, когда византийское войско высадилось в Италии, в его составе опять была русская дружина (включала она, скорее всего, не только славян, но и варягов). А в 964 году, по данным арабских историков, русские сражались в Сицилии с сарацинами «как наемники греков» [[79] Карамзин Н.М. История государства российского. Кн. 1. С. 125.]. Впоследствии в византийском войске постоянно существовал «русский корпус», другое дело, что в XI-XII веках он пополняется не только русскими и скандинавами, но и англичанами. Наконец, между русской и византийской церквями, как отмечают историки, существовали не только религиозные, но и деловые связи.

Создав в Крыму, на землях, ранее находившихся под контролем хазар, княжество Тмутаракань, русские получили важный торговый и военный форпост. Если князья и дружина были русскими, то население Тмутаракани, как сообщают историки, «было в основном не пришлым славянским, а преимущественно местным», то есть греческим или эллинизированным [[80] Якобсон А.Л. Указ. соч. С. 77.]. По утверждению Артамонова, экономическая власть в городе находилась в руках «еврейско-хазарского купечества». Эта группа состояла как из хазар иудейского вероисповедания, так и из этнических евреев «после принятия хазарами иудейской религии считавшихся хазарами» [[81] Артамонов М.И. Указ. соч. С. 609.].

Тюрки, греки, как и ранее варяги, все более становятся частью русского общества. Из Тмутаракани в империю везут важное стратегическое сырье – нефть. Использовалась она для изготовления «греческого огня», которым стрелял императорский флот. Эти поставки столь важны для Византии, что в конце XI века, в преддверии Крестовых походов, греки отнимают Тмутаракань у русских князей.

РАСЦВЕТ ТОРГОВЛИ

С востока на север шли ремесленные изделия, драгоценности, вина, звонкая монета. Особое

место в этой торговле занимали меха. То, что Русь поставляла меха в арабские города, может показаться несколько забавным, но такова была тогдашняя мода. «Потребность в мехах, – пишет Соловьев, – усиливалась на востоке с распространением богатства и роскоши в блестящее царствование Гаруна аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до нас дошло известие, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями; кроме мехов русы привозили на Волгу также и рабов. В обмен за означенные товары русы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нити его составляли любимое ожерелье русских женщин, мужья которых разорялись, платя нередко по диргему (от 15 до 20 копеек серебром) за каждую бисеринку), золотые и серебряные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговики, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может, также шелковые, шерстяные и бумажные ткани, овощи, пряности и вино. Но, как видно, русы сильно желали выменивать на свои товары арабские монеты, диргемы, которые везде и во всяком значении имели большую ценность. Посредством этого пути арабские монеты распространялись по разным местам тогдашних русских областей; как редкие, всегда ценные вещи, как украшения переходили они из рода в род, из рук в руки, закапывались в землю вместе с мертвецами, зарывались в виде кладов и таким образом дошли до нас» [[82] Соловьев С.М. Указ. соч. С. 243.]

Значительная часть товара поставлялась в хазарский город Итиль и оттуда уже перепродавалась на Ближний Восток еврейскими купцами. Но, как отмечает Покровский, русские купцы тоже доходили до Багдада, а арабы много путешествовали по Руси. Обмен процветал, и «у редкого царя восточных стран не было шубы, сшитой из русских мехов» [[83] Покровский М. Русская история с древнейших времен. Т. 1. С. 97.]

Если с Востока поступали сотни тысяч серебряных монет, то из Византии приходили ремесленные изделия. В советское время историками было хорошо изучено движение серебра: «Археологически византийский и северопричерноморский импорт прослеживается на всем протяжении «пути из варяг в греки» и достигает района Белоозера» [[84] Смирнов В.Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в VIII-XV в. Л., 1980. С. 8.]. Скандинавские источники также свидетельствуют, что варяги из Греции предпочитали получать «не деньги, а шелк и другие ткани, металл, стекло и вино» [[85] Sawyer P.H. Kings and Vikings. P. 122.]. Русские тоже стремились получать из Царьграда готовые изделия. В итоге Русь имела торговый дефицит с Византией, зато положительное сальдо при торговле с исламскими странами. Если в Византию поставляли главным образом сырье для ремесленного производства, а получали продукцию греческих мастерских, то на юг, как уже говорилось, везли предметы роскоши и рабов в обмен на серебро, которого у персов и арабов было в избытке. «Исламские товары, безусловно, ввозились на Русь и оттуда шли в Скандинавию, но спрос в халифате на русские товары был, очевидно, куда большим, нежели спрос на исламские изделия среди русских, а разница оплачивалась серебром, что вполне устраивало обе стороны, – писал П. Сойер в книге «Короли и викинги». – Часть мусульманских монет затем экспортировалась из Руси в соседние европейские страны, и в большом количестве эти монеты можно найти в Скандинавии».

Как отмечает Г. Литаврин, многие русские и варяги также отправлялись в Византию «на заработки» [[86] Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 427.]. Причем речь идет именно о массовом явлении, поскольку подобная практика специально регулировалась русско-византийскими

соглашениями. Одновременно в Константинополе находилось около тысячи русских. Варяги и русские в Константинополе не были эмигрантами, они были торговцами, религиозными деятелями (интеллектуалами), а также, как сейчас принято говорить, «гастарбайтерами» – ремесленниками и наемными солдатами, планировавшими, накопив денег и знаний, вернуться на родину [Можно даже сказать, что на первых порах они были «лимитчиками», ибо их численность в Царьграде греческой администрацией ограничивалась].

После христианизации Руси обмен товарами сопровождается распространением греческого просвещения и технологий. «Перенос технологий» в Средние века, как правило, представлял собой переселение людей. В X-XI веках между Византией и Русью в массовом порядке происходит «переселение мастеров и налаживание на новом месте производства, приход «мастеров из грек» для строительства и украшения храмов» [[88] Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 3.]. В Киев переселяются мастера-стеклоделы из Константинополя. Характерно, что именно это же производство стало бурно развиваться в Венеции 200 лет спустя, когда соответствующая технология стала доступна в Западной Европе в результате Крестовых походов.

Произведенная по византийской технологии церковная утварь массово поступает в Скандинавию, где христианизация происходит позднее, чем на Руси. Точно так же, как Византия далеко опережала остальные европейские страны, так и Русь в X-XI веках по своему культурному и технологическому развитию явно стояла впереди большинства стран Запада. Хотя Киевская Русь не прославилась собственными изобретениями, близость к Византии позволила ей развиваться быстрее западных государств. «Если говорить о «бронне»-кольчуге, то она была известна на Руси уже с X в., тогда как этот же вид снаряжения в Западной Европе появился только в XI-XII вв., – отмечают военные историки. – Летописные источники... подтверждают и то, что на Руси X-XII вв. не только знали о «греческом огне», но и умели применять огнеметное оружие» [[89] Оськин Г.И., Марычев Н.Н. Изучение боевого прошлого нашей Родины. М.: Просвещение, 1971. С. 15.]. В XII веке имеются уже образцы «серийного» изготовления оружия. По мнению археологов, военное производство становится «массовым» [[90] См.: Фроянов Н.Я. Киевская Русь. Л., 1980. С. 197.] [«Массовое» производство серийных образцов оружия Фроянов считает доказательством всеобщего вооружения народа в Киевской Руси. Однако это свидетельствует скорее о хорошей организации княжеских дружин и высокой «мобилизационной готовности» городских ополчений. «Народное» оружие в Средние века не было ни стандартизированным, ни массовым. Стандартизация вооружений свидетельствует как раз о профессионализации военных структур и их отдалении от народа].

Нумизматы отмечают высокое качество чеканки киевской монеты – по сравнению с западноевропейскими образцами того же периода [[91] См.: Спасский И.Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С. 52-54.]. В XII веке русские земли опережают страны Северной Европы по уровню металлообработки. Об этом явно свидетельствуют и археологические данные, и летописные источники. «В металлообрабатывающем производстве, отмечают историки, использовались сложные технологические приемы: термическая обработка стали, различные способы холодной обработки, сварки.

Для изготовления самого распространенного изделия – ножей – применялось наваривание стали на железную основу клинка. Двух-трехслойные ножи были особенно высокого качества на первом этапе развития ремесла в Новгороде» [[92] Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Л.:

Лениздат, 1983. С. 64.].

Развитие ремесла ведет к тому, что к XII веку Русь уже вывозит в Византию не только сырье, но и ремесленные изделия, в том числе и художественные [[93] См.: Литаврин Г.Г. Указ. соч. С. 512. См. также: Смирнов В.Н. Указ. соч. С. 8-9.]. Русские изделия были найдены в Коринфе, а византийский поэт Иоанн Цепа упоминает «о подаренной ему чернильнице русской работы» [[94] Международные связи России до XVII в. С. 17.]. Еще больше произведений русского ремесла экспортировалось в другие европейские страны.

На Восток вывозить русскую продукцию было сложнее, ибо здесь собственное производство стояло на несравненно более высоком уровне, нежели на Западе. Тем не менее удавалось вывозить оружие и доспехи, доходившие до самой Индии, лен и льняное полотно. Все эти товары продолжали вплоть до XIV века исправно поступать из России на Восток, независимо от любых исторических потрясений. Лен вывозился через Дербент, а затем шел в Среднюю Азию, Персию и Индию [[95] См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 51.]. Таким образом, и сельское хозяйство на Руси начинало постепенно вовлекаться в международную торговлю. Происходит и усовершенствование земледелия. В этот период русской истории географическая близость к греческим землям оказывается решающим фактором даже внутри страны. Так, в близких к Византии южных землях Руси применяли железный плуг, тогда как на севере использовали соху.

Поразительно, что, за редкими исключениями, русские и советские историки на протяжении 200 лет, констатируя (вслед за летописцами) значение «пути из варяг в греки», не проявляли к этому пути особого интереса. В общих словах повторив летописное свидетельство, они тут же переходили к описанию княжеских распри, военных походов или полемике по поводу роли норманнских (варяжских) князей в Новгороде и Киеве. В каталоге московской Государственной Публичной Исторической библиотеки среди огромного множества работ о Киевской Руси едва найдется полдюжины книг, посвященных русско-византийским связям. О «пути из варяг в греки» нет вообще ни одной! Русско-византийские отношения рассматривались главным образом с точки зрения церковной истории, иногда в плане культурного влияния греков на Русь [Советский историк В.Н. Смирнов отмечает, что, несмотря на общее признание значимости русско-греческих отношений, остается мало изучена «экономическая сторона этих связей, хотя именно она и определила в значительной степени стабильность многовековых контактов Руси и Византии, сохранявшуюся даже при наличии частых политических и церковных разногласий между двумя средневековыми государствами». Экономические отношения двух обществ рассматриваются историками «лишь попутно» Это тем более поразительно, что на протяжении XX века было получено огромное количество археологических данных, появились новые возможности изучения греческих материалов. Но это мало повлияло на основные исторические концепции. И все же если «греческое» направление «пути из варяг в греки» хоть как-то изучено (примером чему может служить диссертация того же Смирнова), то «варяжское» – куда менее. Главное же, историки практически не уделяли внимания связи между «греческим», «варяжским» и «восточным» рынками: «путь из варяг в греки» как специфическое экономическое явление вообще не исследовался комплексно. В качестве курьеза можно процитировать даже высказывание Б.А. Рыбакова о том, что никакого пути из варяг в греки вообще не было, а все написанное по этому поводу «является домыслом норманистов»[[96] Рыбаков Б.А. Указ. Соч. С. 294.] Неприязнь Рыбакова к «норманнской теории» была столь велика, что он отрицал даже теоретическую возможность путешествия

варягов по русским рекам в сторону Константинополя: славяне обязаны были, в соответствии с советскими понятиями, держать «границу на замке»]. Но торговый обмен предшествовал культурному по крайней мере на столетие! Можно сказать, что средневековые русские летописцы продемонстрировали лучшее понимание логики исторического процесса, нежели исследователи XIX и XX веков.

В чем причина столь малого интереса к «византийскому следу» в русской истории? С одной стороны, его никто не отрицает, а потому он не может быть, в отличие от «норманнской теории», темой политических дискуссий. А с другой стороны, Византия оказалась на периферии российского идеологического сознания. «Западническая» школа относилась ко всему византийскому враждебно, видя в греческом и православном влиянии препятствие для культурной интеграции с Западом. А для сторонников «самобытности» и византийцы, и норманны были одинаково отвратительны. Поскольку же «западники» уделяли именно норманнам особое внимание, то против «норманнской теории» и была направлена вся полемика «почвенников». Ни те, ни другие не готовы были признать, что Русь возникла именно как место встречи византийцев с норманнами. В советское время ситуация мало изменилась. Интерес к экономической истории под влиянием марксизма несколько вырос, но советские историки уделяли внимание главным образом местному производству, а также отношениям, складывавшимся в феодальных вотчинах. После разгрома в 30-е годы XX века школы М. Покровского торговля редко заслуживала самостоятельного изучения. Подобное внимание к аграрной экономике было вполне оправдано в случае Западной Европы. Там экономика действительно выростала из натурального хозяйства. Но Русь натурального хозяйства в западном смысле слова практически не знала. Точнее, в эпоху натурального хозяйства не было ни русского государства, ни русского народа. Пытаясь понять, «откуда есть пошла русская земля», летописцы сразу и совершенно справедливо указывали на торговлю.

Глава II УПАДОК XIII ВЕКА